Н. Сладков

ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

Издательство «Детская литература»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Познакомить читателей с малоизвестными явлениями в природе - не главная задача автора. Николаю Ивановичу Сладкову хочется показать, что жизнь во всех её формах - удивительна, её надо беречь и уважать. "Чтобы беречь землю, природу, надо её полюбить, чтобы полюбить - надо узнать. Узнав - невозможно не полюбить. В этом считаю смысл своей работы", - часто повторяет писатель. Книга о животных и птицах, о том, как в лесу можно охотиться не только с ружьем, но и с фотоаппаратом. Сквозь объектив и зверя увидишь и понаблюдаешь за ним. На память о знакомце останется у тебя прекрасная фотография. Секрет любви к природе, радость узнавания тайн её раскроет для читателя эта книга. Книга проиллюстрирована фотографиями автора.

Третье издание широко известной книги.

- Николай Сладков
  - ОХОТНИКИ ЗАРЯЖАЮТ ПАТРОНЫ
  - НЕ БЕРИ В ЛЕС РУЖЬЕ
  - ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ — СТАНЬ НЕВИДИМ
  - ШАПКА-НЕВИДИМКА
  - ЧТО ТАМ, ПОД ШАПКОЙ?
  - ЧТО ПОЛАГАЕТСЯ К ФОТОРУЖЬЮ?
  - ЗАЧЕМ НУЖНА ЗАПИСНАЯ КНИЖКА?
  - ЧТО ЗАПИСЫВАТЬ В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ?
  - ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
  - ЧТО ТАМ, ЗА СНИМКОМ?
  - ШАПКА ПО МОДЕ
  - ПЕРВЫЙ ШАГ
  - ВОТ ТАКОЙ НЕСТРАШНЫЙ ЛЕС БЕЗ МЕДВЕДЯ!
  - КОГДА СВИРЕПЕЮТ МЕДВЕДИ?
  - ОНИ НЕ ВИДЯТ ТЕБЯ
  -
  - ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО
  - ***
  - ДЕРЕВЬЯ
  - ПТИЦЫ
  - СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ
  -
  - ЛЕСНОЕ КРЕСЛИЦЕ
  - НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ШАГИ
  - НОВЫЙ ГОЛОСОК

- ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ
-
- ***
- ГЛАЗ ИЛИ УХО?
- В ЛЕС ПО ЗАГАДКИ
- ЧТО ИЩЕТ В СНЕГУ КРОТ?
- БЕЛКИН МУХОМОР
- ПОЮЩИЙ ЁЖ
- ЗАЯЦ ЗАГАДЫВАЕТ ЗАГАДКУ
- ТАЙНА ЧЁРНОГО ДЯТЛА
- СЕКРЕТ ВЫПИ
- ТАЙНА ВАЛЬДШНЕПА
- РЫБЫ ПОЛЗУТ ПО ЗЕМЛЕ
- ПАДАЮТ ИЛИ НЕ ПАДАЮТ?
- ОГНИ НА ЦВЕТАХ
- ДОБРЫЕ СОСЕДИ
-
- ***
- ТОПИК И КАТЯ
- НА ЗАРЯДКУ СТАНОВИСЬ!
- ЧАЙКА
- ДОМАШНЯЯ БАБОЧКА
- СИЛУЭТЫ НА ОБЛАКАХ
- СИЛУЭТЫ НА ВЕРШИНАХ
- КАРЛУХА
- СИНИЧКА НЕОБЫКНОВЕННАЯ
- ЛИШНИЙ ГВОЗДЬ
- СОВА, КОТОРУЮ ПОЗАБЫЛИ
- ТУК-ТУК, — Я ТУТ!
-
- ***
- БАБОЧКИ
- Рябчик и Ёж
- Кто как спит?
- ***
-
- ***
- ЖАДНАЯ СОЙКА
- ГОРЯЧАЯ ПОРА
- ПТИЧЬИ ПРИЧЁСКИ
-
- ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ
- КОСАЧИНЫЙ ЧАС
- СОЛОВЕЙ ПОЁТ

- ВЫЕДЕННОЕ ЯЙЦО
- ДЕРЕВЬЯ СКРИПЯТ
- ИМЕНА ПТИЦ
- СЕНТЯБРЬ
-
- КАМЕННАЯ ПЕРИНКА
- ТРЕТИЙ
- РАСТЕРЯВШИЕСЯ ПЕРЕЛЕСКИ
- ФЛАЖКИ НА БОЛОТЕ
- ПЕТЬ ТАК ПЕТЬ!
- ПЕСНЯ ИЗ ДВУХ БУКВ
- ЗВЕРИ НА УЛИЦАХ
- ТАНЕЦ «КОСАЧОК»
-
- ***
- ЦВЕТНЫЕ СТРАНИЦЫ
-
- В КОНЦЕ ТАИНСТВЕННОГО СЛЕДА...
-
- ***
- ГОЛУБОЕ ПЯТНО
- ПОДВОДНЫЕ ГЛАЗА
- ВАЖНЫЙ ЗВЕРЬ
- ЛИНЬ
- ПУСТОТА
- ГОСТИ ПОДВОДНОЙ ПОЛЯНЫ
- НАСЕДКА
- ***
- ЛЕС РОЗОВО-СЕРЕБРИСТЫЙ
- ПЫЛЬНЫЕ ЗАЙЦЫ
- Соловей и Лягушка
- ПРЕДСКАЗАТЕЛИ
- ПУСТЫНЯ ДНЁМ...
- СИНЯЯ БОРОДА
- ПОЮЩИЙ БАРХАН
- САКСАУЛОВЫЙ ЛЕС
- НАХАЛЬНЫЕ ЖИЛЬЦЫ
- ВАРАН СОБИРАЕТ ДАНЬ
- СМЕРТЬ ЧЕРЕПАХИ
- ПЕСОЧНОЕ ОДЕЯЛЬЦЕ
- СЕНОКОС
- ЯЩУРКИН НОС
- РОЗОВЫЙ МИРАЖ
- КРАСНЫЙ КАНЬОН

- ○ БАБОЧКИНА ДОРОЖКА
- ○ ЗАЯЧИЙ СОН
- ○ РЕПЕЙ-ДУШЕГУБ
- ○ СИНЯЯ ПТИЦА
- ○ В УЩЕЛЬЕ ТАЙГАК
- ○ ***

Николай Сладков
ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

"Мои книги — это плоды моих увлечений. Увлечение фотоохотой породило книги «Смелый фотоохотник», «Под шапкой-невидимкой», «36 радостей». Фотоохота — это остановленное мгновение! Мгновение жизни — оно всегда прекрасно. Каждая фотография — запечатлённая красота. Из пёстрого потока лесной жизни ты выхватил то, что тебя особенно восхитило, огорчило, возмутило или обрадовало. Стреляя из ружья, ты красоту губишь; «стреляя» из фоторужья — умножаешь. И ты не истребитель уже, а творец." (Н. Сладков)

ОХОТНИКИ ЗАРЯЖАЮТ ПАТРОНЫ

Миллионы птиц возвращаются весной на родину. И каждая пичуга спешит. Гуси, бывает, кровяные мозоли под крыльями натирают!

Летят птицы через моря и горы, пробиваются сквозь туман и тучи. Хлещут их неистовые дожди, швыряют свирепые ветры. Днём и ночью рядом с ними холод и голод. А они летят и летят.

Птицы летят, а охотники заряжают патроны. Порох — пыж, дробь — пыж; вот и готов патрон. Ничего не знают о патроне птицы, но кто-то из них будет убит.

Патрон — гусь, патрон — утка, патрон — вальдшнеп. Где-то пока они ещё летят, торопятся в свои леса и болота, а патрон их уже ждёт, и судьба их уже решена.

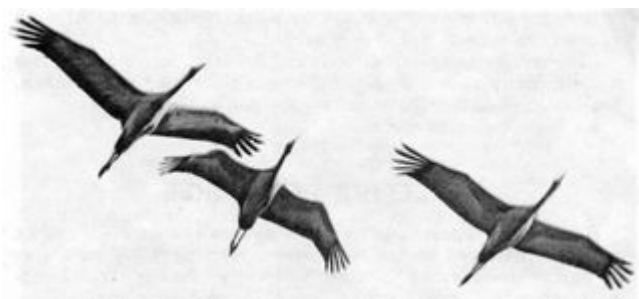
Летят миллионы птиц. Заряжаются тысячи патронов. Ружья ещё молчат, а птицы уже падают и падают...

Охотник с ружьём выслеживает зверя. Выследил, высмотрел: вот он, зверь! Тут бы и рассмотреть его, познакомиться с ним поближе. Но гремит выстрел — и встрече конец. Ружьё у охотника не для добрых знакомств!

А будь в руках у него не ружьё, а фотоаппарат, то и не конец был бы встрече, а только начало. Начало самого интересного: знакомства с живым существом.Вы вдвоём: ты и зверь. Он не видит тебя. Он ведёт себя так, будто тебя и нет. Ты и зверь...

Шорох листьев. Блики солнца. Всё так, как всегда. Без насторожённых ушей, без страха в потемневших глазах, без оскаленных зубов и вздыбленной шерсти.

Не бери в лес ружьё...



НЕ БЕРИ В ЛЕС РУЖЬЕ

В глубокой древности человек оттолкнул от себя диких зверей и птиц на расстояние вытянутой руки. А потом — на расстояние руки с палкой. А что ему было делать? Нужно было мясо, чтобы есть, и шкуры, чтобы одеваться.

С тех пор расстояние это растёт и растёт, всё дальше и дальше отодвигает человек от себя всё живое.

На дальность броска камнем.

На расстояние полёта стрелы.

А вот уж не подпускает к себе и на ружейный выстрел.

Но что-то противится в человеке такому разрыву. Что-то толкает его к сближению.

Страшных хищников больше нет. Шкуры и мясо даёт хозяйство. Зачем же нам враждовать с дикими животными?

Человек устраивает зоопарки, держит дикарей дома. Но всё это, конечно, не то. Клеточный зверь не похож на лесного. В клетке он сам не свой.

Человек идёт в лес. Но в лесу всё живое в ужасе шарахается от него. Человеку обидно: в этом теперь он уже не виноват, виноваты только охотники. Это они приносят в лес страх. Это они увеличивают разрыв.

Если мы выкинем ружья, расстояние недоверчивости сократится. Оно совсем станет маленьким, если при встрече мы не станем поднимать палку или нагибаться за камнем. И мы снова обретём добрых соседей. А пока...

ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ — СТАНЬ НЕВИДИМ

Лесные жители — особые жители.

Можно жить с ними бок о бок и даже не догадываться об этом. Можно сталкиваться нос к носу — и ничего о них не узнать.

С ними не побудешь с глазу на глаз. И не поговоришь по душам. Они не любят выставлять себя напоказ и не любят чужого глаза. В отличие от ребят они не любят даже фотографироваться! С ними так: хочешь увидеть — сам стань невидим.

Раздобудь себе ШАПКУ-НЕВИДИМКУ.

ШАПКА-НЕВИДИМКА

ШАПКУ-НЕВИДИМКУ я сделал из четырёх палок и куска плотной материи. Не так-то уж это оказалось и трудно! Правда, вышла ШАПКА не сказочной красоты, но зато сказочного свойства — настоящая НЕВИДИМКА.

Вот посмотрите: я тут, а меня не видно! Это и есть как раз то, что и требуется от ШАПКИ. Тебя не видно, а ты видишь всё!

В ШАПКЕ четыре окошка: вперёд, назад, вправо и влево. Стоит приподнять клапаны-занавески — и смотри на четыре стороны: хочешь на юг, хочешь на север, на запад или восток! Всё видишь, всё слышишь, всё понимаешь.

А звери и птицы тебя не видят, не слышат и вытворяют, что только в головушку им придёт! Играют, дурачатся и дерутся. Поют, танцуют, работают. Копают, прыгают, гоняются. Моются, чистятся, загорают. Да мало ли что? Они ничего не боятся. Они ведь не видят, что там, под ШАПКОЙ!

ЧТО ТАМ, ПОД ШАПКОЙ?

Под шапкой, конечно, ты: ты ведь не голову прикрываешь ею, а сразу всего себя.

Должен быть под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ и пенёк-оборотень. Есть в лесу такие пеньки: с виду пенёк пеньком, коряжка коряжкой, а повернёшь его так и сяк — он и обернётся тебе то стулом, то скамейкой, то креслицем. Это очень кстати: сидеть под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ на лесном креслице много удобнее, чем стоять.

Не забудь взять из дому скатерть-самобранку: чай в термосе, бутерброд. Конфетку кисленькую — пососать. Время под ШАПКОЙ тянется долго...

Но главное — не забудь фоторужьё.

И всё, что к нему полагается.

ЧТО ПОЛАГАЕТСЯ К ФОТОРУЖЬЮ?

Запасные кассеты, заряженные плёнкой (а вдруг повезёт и от птиц и зверей отбоя не будет!).

Перезарядный мешок (а вдруг не повезёт и плёнку «заест»!).

Экспонометр (вдруг погода будет резко меняться: то темно, то светло).

Упор для руки.

И ещё — записную книжку.

ЗАЧЕМ НУЖНА ЗАПИСНАЯ КНИЖКА?

ШАПКА-НЕВИДИМКА нужна, чтобы укрыться. Фоторужьё нужно, чтобы снимать.

Понятно, что записная книжка нужна, чтобы в неё записывать.

ЧТО ЗАПИСЫВАТЬ В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ?

Всё. Например, свои мысли. Подумай только: в голову тебе пришла мысль, а её некуда записать. Конечно, понадеешься на память и, конечно, всё позабудешь. И получится так, будто мысль в голову и не приходила. Но согласись: обидно иметь такую голову, в которую никогда не приходят мысли!

А если ты увидел что-нибудь такое, чего раньше никогда не видел? Или узнал, чего раньше не знал? Опять понадеешься на память, и опять память тебя подведёт. И опять получится, будто ты ничего не видел, ничего не слыхал и ничего не узнал. Спрашивается: зачем же ты тогда время терял?

Наблюдал — а наблюдений нет!

Видел, слышал — а что?

Узнавал — а что узнал?

Думал — а о чём?

Это уже не дело. Это уже не серьёзно.

Просто убийство времени. А время — это наша жизнь. Зачем же жизнь свою попусту сокращать?

Чтоб не случилась такая глупость, берите с собой записную книжку.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

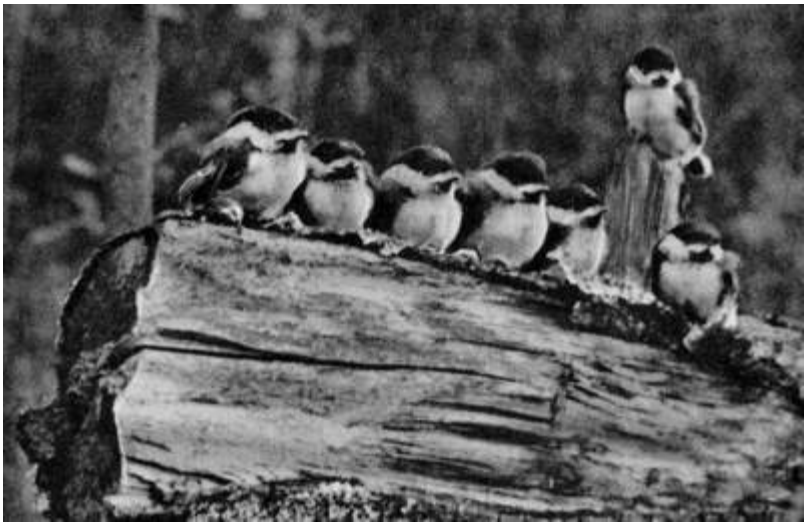
Записная книжка — это «машина времени». Помните, была такая фантастическая машина, на которой можно было перенестись в будущее? И увидеть, например, себя стариком. Наверное, не очень-то это большое удовольствие — увидеть себя бородатым и лысым. Куда приятнее увидеть себя молодым. И вот тут-то пригодится записная книжка! Начинайте листать её от конца к началу: день назад, два назад, три назад. Пошло и поехало! Неделя назад, месяц назад, целый год! Ну-ка, ну-ка — перенесёмся на год назад. Посмотрим, что там было?

«Тёплый дождик с утра, днём проглянуло солнце. Скворец хромой носит в скворечник травинки и перья».

Ого! И сейчас скворец носит травинки и перья, всё тот же, хромой! Детей вывел, в Африку на зиму слетал и снова домой вернулся. Здравствуй, земляк! Сейчас я ещё про тебя напишу.

Мелькают листочки в записной книжке, как спицы в колесе «машины времени». Листай, листай — молодей, молодей! Перекладывай фотографии и переносись из холода в зной, из степей в леса, из пустынь в горы.

...снова встречайся с птицами, зверями и насекомыми. ...сравнивай, вглядывайся, прикидывай, думай. ...радуйся и умней!



ЧТО ТАМ, ЗА СНИМКОМ?

Можно увидеть то, чего вовсе на снимке нет!

Можно ведь просто читать, а можно и между строк. Можно за картиной увидеть художника. За звуками распознать краски, а за красками — звуки. Если, конечно, не просто глазеть, а видеть «мысленным взором».

Даже в самой простой фотографии скрыта капелька жизни.

А сколько всего ещё там, позади! Цвета: тона и полутона. Звуки: шорохи, шёпоты, всплески. Вспоминаешь и вздрагиваешь от страха. Или хлопаешь в ладоши от радости. И в жар тебя бросит и в холод. Бывает, рассердишься, пожалеешь, а то просто махнёшь рукой.

И всё это, глядя на снимок. А то и мимо него...

ШАПКА ПО МОДЕ

ШАПКУ делай по моде. На какой цвет в твоём месте мода — такую и ШАПКУ шей. В пустыне все птицы и звери жёлтое носят — и ты шей ШАПКУ под цвет песка. На каменных россыпях пёстрое в моде — и ШАПКУ делай из лоскутов. Для леса хороша ШАПКА пятнистая, в поле — зелёная, а на снегу — белая. Даже красную можно надеть — если снимаешь в цветущих маках.

Любой цвет подойдёт, лишь бы по птичье-звериной моде.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Даже большое путешествие, как известно, начинается с первого шага за околицу. За околицей лужа, но она такая же голубая, как море. За околицей лопухи и крапива, но они такие же зелёные и непроходимые, как джунгли. И ветер за околицей тот же, что шумит над горами, пустынями и океанами. И то же солнце, что светит всему миру.

Чтобы переплыть океан на плоту, в первую очередь, как это ни странно, нужен совсем не плот. В первую очередь нужно желание. Будет желание — найдутся и плот и океан. Не будет желания — не помогут ни дюжина плотов, ни полдюжины океанов.

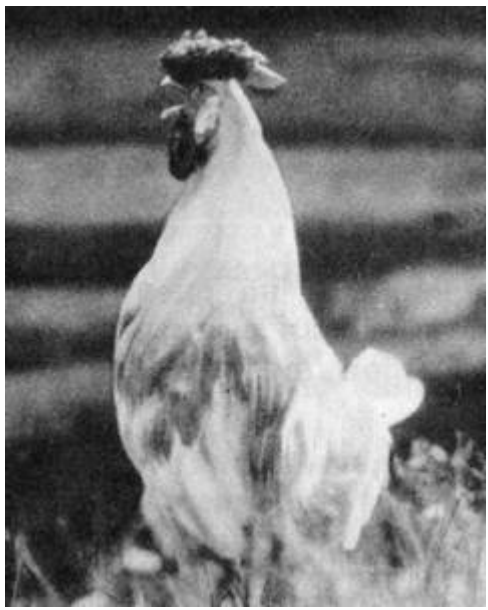
Первый шаг — самое важное. Кто шагнул за околицу — тот уже не сможет остановиться.

В лес пойдёшь — кого-нибудь да увидишь. А увидишь — узнать захочешь. Узнаешь — непременно полюбишь. А полюбишь — в обиду не дашь. Уж так человек устроен: что любит, то и защищает. Все защитники природы по этой тропинке прошли. А если не веришь, попробуй-ка сам в лес сходить...

Просыпайся, вставай!

В лесу уже косач прокричал — дикий петух. Всех лесных жителей разбудил. В деревне домашний петух пропел — деревенских жителей разбудил. Сорока из леса в деревню новости на хвосте принесла.

Вставай, вставай, — новый день на дворе! Новые встречи, новые дела, новые радости.



ВОТ ТАКОЙ НЕСТРАШНЫЙ ЛЕС БЕЗ МЕДВЕДЯ!

В настоящем лесу должен жить медведь. Лес без медведя не лес, а так — дачное «лоно». Это какой-то легкомысленный лес. В нём уже не попутешествуешь, а только прогуляешься, и ночёвка в нём не серьёзное дело, а забава. Остаётся в нём только дышать да вздыхать. Не насторожит тебя треск сухого сучка, не напугает неожиданный шорох, не взволнует неясная тень. Лес без медведя — скучный лес.

Другое дело — лес, в котором живёт медведь.

В нём не хочется повышать голос, не хочется шагать напролом и бездумно глазеть по сторонам. В нём строже становится глаз, насторожённее ухо. Идёшь не спеша и слышишь торжественный гул вершин. Это шумит лес. Лес, в котором живёт медведь...

КОГДА СВИРЕПЕЮТ МЕДВЕДИ?

Медведем пугают с детства:

— Не убегай за ворота — там медведь!

Это для совсем маленьких.

— Не ходи один в лес — там медведь!

Это уже для школьников.

Пугают и взрослых:

— Нарвёшься на медведицу с медвежонком — узнаешь, где раки зимуют!

Я встретил медведицу с медвежонком — не успел испугаться, как они от меня удрали. Потом повстречал медведицу с двумя медвежатами — они тоже меня не съели.

— Раз не съели, стало быть, ты их и не встречал! — авторитетно заявили знатоки.

И вот встречаю медведицу с тремя медвежатами. Вспомнив недоверчивых знатоков, мгновенно хватаюсь за фотоаппарат. Медведи копаются в земле. А я стою чуть дыша. Я страшно боюсь, что вот сейчас медведи меня увидят или почуют и кинутся... в лес. А я не успею их снять. И опять мне никто не поверит, что медведи не нападают первыми на людей!

Я быстро щёлкаю затвором. Стою совершенно открыто. До зверей сорок шагов.

Первыми на меня уставились медвежата. Но для их неопытных глаз я, видимо, просто сошёл за пень.

Потом на меня посмотрела мамаша. Но и у неё я не вызвал никакого интереса.

Покопавшись в земле ещё минут двадцать, мохнатая семейка покосолапила в лес. Мне даже стало обидно: хоть бы рявкнули для приличия, что ли?!

Я свистнул и хлопнул в ладоши. Медведи рассыпались в цепь и чёрными колобками укатили в кусты.

Фотографии получились, и я показывал их «знатокам». Но они сказали, что медведицы свирепеют только тогда, когда у них не менее четырёх медвежат.

Что ж, придётся опять ходить и искать. Может, и повезёт!

ОНИ НЕ ВИДЯТ ТЕБЯ

Хочешь увидеть — стань невидим. И тогда увидишь зверей такими, какими бывают они только наедине с лесом. А на это посмотреть стоит. Без страха зверь становится самим собой. Становится самим собой и перестаёт быть... «зверем»!

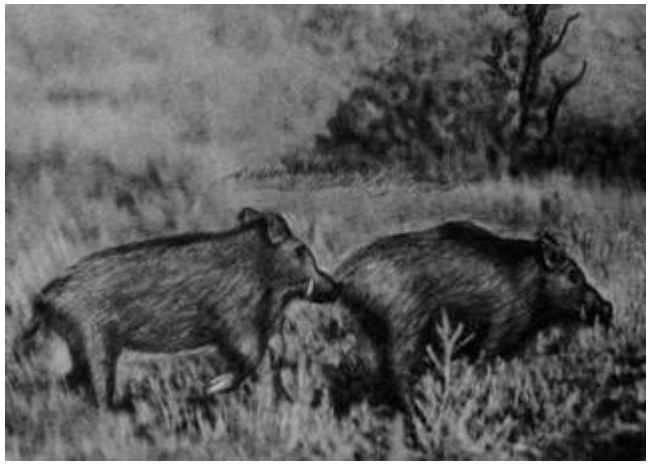
Можно увидеть, как целуются на поляне олени.

Франтиха-чибисиха смотрится в болотное зеркальце.

Спокойно пасётся на поляне косуля.

Зверь, когда увидит охотника, становится сам не свой. Шерсть поднимается дыбом. Глаза наливаются страхом. А у птиц от ужаса раскрываются клювы. Все прячутся, убегают и улетают.

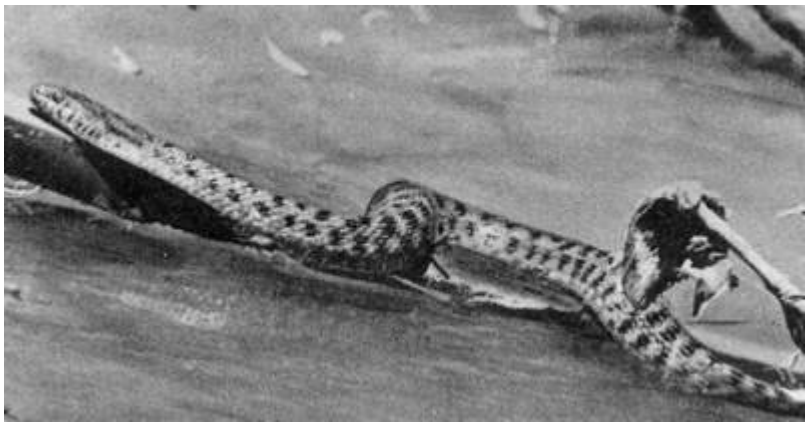
Удирают без оглядки даже свирепые кабаны.



Чёрный коршун кидается ввысь, в облака.

Белка затаилась на сучке.

Даже безобидный водяной уж прячется за корягу.



До чего же приятно, когда тебе доверяют. И до чего же обидно пугалом быть!

Воробей и Орёл

— Хоть сыновья мои, Орёл, и воробьи, да зато их десять.
— А у меня, Воробей, хоть и один сын, да зато орёл!

Заяц и Лосёнок

— Слушай, Лосёнок, ты Лось или Лосиха?
— Я, Заяц, и сам не знаю! Вот если рога к весне вырастут — значит, я Лось, а если не вырастут — значит, Лосиха. Приходи

летом, разберёмся.

Лиса и Мышь

— Мышка-трусишка, ты треска боишься?
— Ни крошечки не боюсь!
— А громкого топота?
— Ни капельки не боюсь!
— А страшного рёва?
— Нисколечко не боюсь!
— А чего ж ты тогда боишься?
— Да тихого шороха...

Лиса и Еж

— Всем ты, Еж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!
— А что, Лиса, я с колючками некрасивый, что ли?
— Да не то чтобы некрасивый...
— Может, я с колючками неуклюжий?
— Да не то чтобы неуклюжий...
— Так какой же я такой с колючками-то?
— Да какой-то ты, брат, с ними несъедобный...

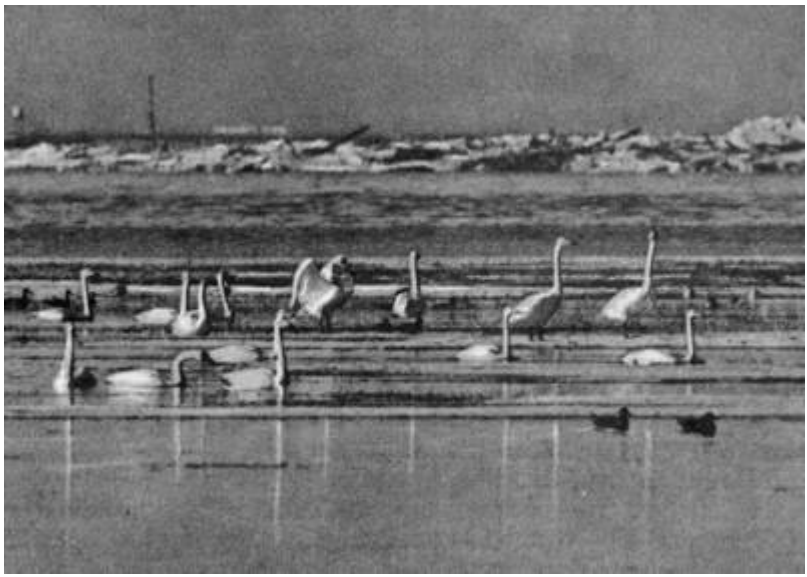
ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Скажи «лебединое озеро» — и все подумают, что ты о балете. Скажи «лебединая песня», и все подумают, что ты о легенде. А если скажешь, что ты о настоящем озере лебедей, о настоящей лебединой песне, то могут и не поверить.

А есть ещё и озёра и песни. Мало, но есть...

Неожиданно лебеди стали сплываться: грудью в грудь, клювом в клюв. Если бы на них посмотреть сверху, то увидел бы на голубом белую лилию. Гигантскую лилию с лепестками из белых тел, с тычинками из шей и золотых клювов.

Гибкие шеи разом вскинулись вверх, золотые клювы раскрылись, и громкие клики, радостные и торжественные, понеслись над водой. Птицы кричали прямо в весеннее небо и били по воде белыми крыльями, взбивая белую пену.



***

Когда долго сидишь под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ, а птица и зверь не показываются, становится скучно. Тогда в гости ко мне приходит Лесовичок. То в окошко вскарабкается, то снизу подлезет, то сверху спустится. Придёт, повозится в уголке и притихнет. Сидим вдвоём — время коротаем.

За ШАПКОЙ ветер шумит, дождь барабанит. А под ШАПКОЙ тепло, уютно и дремлется...

Я Лесовичка про лес расспрашиваю, он отвечает.

— И откуда ты только всё знаешь? — удивляюсь я.

— Уж дело моё такое, — отвечает. — Лесовичок ведь я!

Выбьет желудёвую трубочку о шершавую, как кора, ладонь и улыбнётся.

Вот раз спрашиваю его:

— Скажи, Лесовичок, почему горку, во-он ту, Козьей называют?

— Козы дикие там раньше жили.

— А озерко это почему Гусиным зовут?

— Всё потому: гуси когда-то гнездились.

— И болото потому Куропачье?

— И болото. Куропатки на нём водились.

— А куда же теперь-то они подевались: козы, гуси да куропатки?

— Известно куда: охотники перевели.

— А жалко тебе их небось?

— Ещё бы не жалко! Бывало, лесом идёшь — на козу любуешься, на озере с гусями разговоришься, на болоте с

куропатками пошутишь. А теперь? Ни поговорить, ни пошутить, ни полюбоваться. Скучно. Вот к тебе пришёл — не прогонишь?

— Мне что, сиди. Вдвоём веселей.

Сидим вдвоем. Время коротаем.

А за ШАПКОЙ лес шумит. Осины лопочут, сосны басят, берёзы шепчутся.

— Слышишь? — вдруг спрашивает Лесовичок.

— Слышу, — говорю. — Осины лопочут.

— Нет, — отмахивается Лесовичок.

— Сосны, — говорю. — Сосны басят.

— Да не то! Не лопочут, не басят, а барабанят!

— Барабанят?

— Барабанят.

— Кто же это барабанит?

— То-то и оно! Это старые названия в сердце моё барабанят! Громко стучат и настойчиво, как дятлы! Неужто не слышишь?

Я прикладываю к уху ладонь — так и есть! Старые названия барабанят. Барабанят тревожно и громко.

— Может, и другие услышат? — спрашивает Лесовичок. — Что, им трудно ладонь приложить к уху, что ли?

Я киваю ему головой: может, и услышат, может, не поленятся приложить к уху ладонь?!

ДЕРЕВЬЯ

Входишь в лес и гладишь ладонью деревья, будто старых друзей похлопываешь по спине. Стволы тёплые, как тело живое: чуть покачиваются, будто дышат...

А вершины гудят то грозно, то ласково. Листья лопочут зелёными язычками.

К стволу прислонишься, как к плечу друга. Плечо гладкое, скользкое — молодая берёзка. А то всё в пупырышках — это осина. Или изборождённое, изморщиненное, как кожа слона. Это кора дуба.

Всю жизнь с деревьями плечом к плечу. И хочется стиснуть ладонями их руки-ветви и крепко пожать.

ПТИЦЫ

Улетят осенью птицы — пустынны станут леса. А вернутся весной — и снова жизнь переливается через вершины. И как удивительна эта жизнь, перелетающая на крыльях!

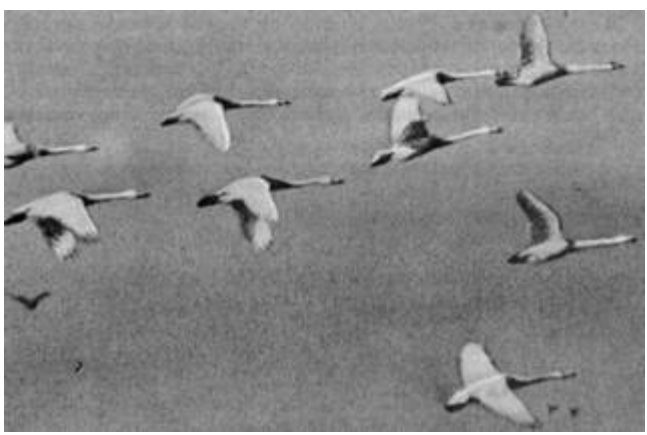
Шумное, пёстрое облако жизни кочует по нашей Земле. То оно тут, у нас, — и леса наши переполнены щебетом, свистом и писком. То оно где-то там, за морями и за горами, — и леса наши пусты и глухи. И мы тоскуем и ждём, мы ругаем себя, что не наслушались летом про запас птичьих песен и голосов. Но приходит пора, и волна жизни снова выплёскивается в наши леса.

Волны птиц — как в прилив и отлив: то накатятся, то отхлынут. И у этого моря живого тоже есть свои берега. Эти тучи живые, как настоящие тучи, то рассеиваются и редеют, подобно туману, то сгущаются и темнеют, как грозовые

облака. А вдруг оно, это облако, однажды высохнет и испарится? Ведь рассеиваются же настоящие облака!

И мне становится жутко. Мы привыкли, что каждую весну сама собой накатывается волна. А вдруг однажды прилива не станет? Всё ли мы делаем, чтобы облако не редело? А вдруг мы что-то не поняли и не успели?

Кочуют над Землёй облака жизни. Чистое ли над ними небо? Приветлива ли под ними земля?



СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Приятно встречать старых друзей. Даже в лесу. Но встречи в лесу случайны и мимолётны. Увидишь на миг зверя или птицу, и вот уже нету их. И только редко-редко, если здорово повезёт, встречаешь ты их вновь и вновь.

Я познакомился с дятлом. Шёл по тихой тропинке и вдруг услышал стук. На засохшей вершине сидел дятел и разбивал шишку. Прикрываясь толстой соседней сосной, я подкрался и, осторожно высунувшись, прицелился в него фоторужьём.

Дятел деловито стучал. Иногда он переворачивал шишку, отдыхал или перебирал пёрышки на спине. На затылке у него было красное пятнышко.

С тех пор прошло пять осеней. И каждую осень я приходил по тихой тропинке к сухой сосне и встречал на ней знакомого дятла. На сосне у него «кузница», и он разбивает на ней шишки.

Он не очень меня боится и позволяет себя снимать.

В последний раз — в пятую осень — я не услышал на сушине знакомого стука. Я долго сидел на валёжине, но всё было тихо. В слабой надежде я постучал ножом о пенёк: дятлы не любят, когда другие дятлы стучат на их участке. И сейчас же послышался шорох крыльев, и пёстрая птица прилепилась к дереву над головой. Здравствуй, дятел, я рад, что ты ещё жив!

Дятел сорвал шишку — и прямиком на свою кузницу. Раздался знакомый стук. Так я снял его в пятый раз.

Что ни говори, а приятно иметь знакомых в лесу. До будущей осени, дружище дятел. До шестой!

* * *

Лосиха бросила против меня своих верных разведчиков: глаза, уши, ноздри. Разведчики своё дело сделали: глаза поймали движение, уши уловили шорох, ноздри — запах. Теперь разведчикам отдыхать, ногам — работать!

Лосёнок и Лосиха

— Посмотри, мама, какие у меня ноги большие да длинные!
— Длинные, сынок, большие.
— Посмотри, мама, какие у меня уши широкие да большие!
— Широкие, сынок, большие.
— А отчего, мама, у меня ноги и уши большие?
— А оттого, сынок, что ты у меня ещё совсем маленький...

Заяц и Полёвка

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листиков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями...

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под

ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зелёная, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься и наешься. Как я!

Сом и Уклейка

— Уклеечка, душечка, сколько же тебе, деточка, лет?
— Уже пять лет исполнилось!
— Ой, какая малышка! Уж наверное, маменькина дочка?
— Я не дочка.
— А кто же ты — мама?
— Нет, и не мама.
— Неужели бабушка?
— Нет, и не бабушка.
— Так кто же ты в пять-то годков?
— Я уже прапрабабушка!

Синица и Дятел

— Дятел, а Дятел, ты когда есть хочешь — что делаешь?
— Сухое дерево долблю.
— А когда пить хочешь?
— Сочное дерево долблю.
— А когда наешься и напьёшься?
— Всё подряд долблю! Мне тогда ни пить ни есть не надо, только подолбить дайте.

Крапивница и Лимонница

— Терпеть не могу непонятных имён! Почему ты Лимонница, если у нас лимоны не растут даже? Вот я: у меня на крапиву аппетит — я Крапивница! У неё на капусту аппетит — она Капустница! Просто всё и понятно!

— А меня Лимонницей не за аппетит назвали, а за красоту! У меня платье прекрасного лимонного цвета. Да только вам, обжорам, этого не понять...

Заяц и Оляпка

— О-о-ой, Оляпка, никак купаться в полынье вздумал?!
— И плавать и нырять!
— А замёрзнешь?
— У меня перо тёплое!
— А намокнешь?
— У меня перо водоотталкивающее!
— А утонешь?
— А я плавать умею!
— А... а... а проголодаешься после купанья?
— А я для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!

Орлёнок и Воробьёнок

— Ау, Орлёнок, а у тебя папа с мамой кто?
— А у меня папа и мама орлы!
— Вот счастливый! А у меня папа с мамой обыкновенные воробьи...
— Не завидуй мне, Воробьёнок. Твои воробьи с утра до вечера тебя кормят, а мои орлы меня — только утром да вечером.

Заяц и Белка

— Слышал новость, Заяц?
— Я всё, Белка, слышу: эвон уши-то у меня какие!
— Так чего же ты своими ушами слышал?
— Сперва ты, Белка, скажи, какую ты новость слыхала?
— Я слыхала, что тебя, Зайца, волки съели!
— Ну, это что! А я слыхал, что ты, Белка, волка съела!
— Вот это да! Что же мне теперь делать?
— Известно что: глазам своим верить, а не чужим ушам!

Яблонька и Воробей

— Слушай, Воробей, ты мужик умный, среди людей крутишься, не слыхал ты, что они про зайца-русака говорят: хищный он зверь или нет?

— Ой, Яблонька, насмешила, ой, уморила! Какой же заяц хищник? С его крысиными зубами впору только кору глодать.

— Кору?! Ох, чуяло моё сердце: огложет он меня со всех сторон, хищник свирепый! Погубит, злодей!

ЛЕСНОЕ КРЕСЛИЦЕ

Есть деревья в лесу, которые почему-то нравятся птицам: когда ни посмотришь — вечно на макушке птица сидит! То плиска болотная, то конёк лесной. То ворона серая, то косач чёрный. Одни песни поют, другие по сторонам глазеют.

Может, дерево это для них чем-то удобное? Ну, вроде как кресло для нас? Стоят вокруг нас стулья, табуретки, скамейки, и только одно уютное креслице. Так и хочется на него сесть! Вот и у птиц так: много вокруг разных деревьев, но одно лучше всех, и поётся на нём веселей, и удобней сидится.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ШАГИ

Ранняя весна, вечер, глухое лесное болото. В светлом сыром сосняке снег ещё кое-где, а в тёплом ельнике на бугре уже сухо. Я вхожу в густой ельник, как в тёмный сарай. Стою, молчу, слушаю.

Вокруг чёрные стволы елей, за ними холодный жёлтый закат. И удивительная тишина, когда слышишь удары сердца и собственное дыхание. Дрозд на еловой макушке высвистывает лениво и звонко. Свистнет, прислушается, а в ответ ему тишина...

И вдруг в этой прозрачной и затаившей дыхание тишине тяжёлые, грузные, нечеловеческие шаги! Всплески воды и позванивание льда. То-пы, то-пы, то-пы! Будто тяжело гружённая лошадь с трудом тянет по болоту воз. И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык! Дрогнул лес, качнулась земля.

Тяжёлые шаги затихли: послышались лёгкие, суматошные, торопливые. Шажки лёгкие догоняли тяжёлые. Топ-топ-шлёп — и остановка, топ-топ-шлёп — и тишина. Торопливым шажкам не легко было догнать неторопливые и тяжёлые.

Я прислонился спиной к стволу. Под ёлками стало совсем темно, и только мутно белело между чёрных стволов болото.

Зверь рыкнул опять — как из пушки грохнул. И опять охнул лес и качнулась земля. Я не выдумываю: лес вправду дрогнул, земля вправду качнулась! Лютый рык — как удар молота, как раскат грома, как взрыв! Но не страх порождал он, а уважение к его необузданной силище, к этой чугунной глотке, громыхающей, как вулкан.

Лёгкие шажки заторопились, заторопились: зачмокал мох, захрустел ледок, заплескала вода. Я давно уже понял, что это медведи: дитё и мама. Дитё не поспевает, отстаёт, а мама чует меня, сердится и волнуется. Мама предупреждает меня, что медвежонок тут не один, что она близко, что лучше его не тронь. Я хорошо её понял: предупреждает она убедительно...

Тяжёлых шагов не слышно: медведица ждёт. А лёгонькие спешат, спешат. Вот взвизг тихий: медвежонка шлёпнули — не отставай! Вот шаги грузные и лёгкие зашагали рядом: то-пы, то-пы! Шлёп-шлёп-шлёп! Всё дальше, всё тише. И смолкли.

И опять тишина. Дрозд кончил свистеть. Лунные пятна легли на стволы. В чёрных лужах вспыхнули звёзды. Каждая лужа — как распахнутое в ночное небо окно. Жутковато шагать в эти окна прямо на звёзды.

Не спеша я бреду к своему костру. Сладко сжимается сердце. А в ушах гудит и гудит могучий зов леса.

***

Повалил бобр осину осенью — и бросил на берегу. Зимой лоси пришли — толстые сучки оглодали. Зайцы прискакали — тонкие веточки иззубрили. Весной на погрызе сок выступил. На сок муравьи сбежались — минеральные воды пить. Может, ещё кто-нибудь на бобровую осину пришёл бы, да тут дождь пошёл, я домой ушёл.

НОВЫЙ ГОЛОСОК

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось; оно даже посвистывало!

Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилось бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытное жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок упёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал — и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал — и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или станет добычей первого встречного хищника?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистый колобок.

ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Прилетел на скворечник скворец. На ноге колечко — знакомый! Шестой год он живёт в скворечнике у меня.

Каждую весну он прилетает на скворечник, осматривает его со всех сторон, забирается внутрь, долго там шуршит и ворочается. Потом садится на крышу и негромко поёт. Негромко, но с наслаждением: трещит, пощёлкивает и высвистывает. Даже взвизгивает от удовольствия, как разыгравшийся поросёнок. Клюв золотой в небо, глаза закатывает, крылышками разводит. А сам то петухом, то ягнёнком, то кошкой мяукнет, то собачонкой протявкает. Соскучился на чужбине по дому...

Потом со скворчихой чистят скворечник, птенцов выводят. Вместе растят, вместе на выгоны улетят с ними.

Осенью, перед отлётом, скворец прилетал на скворечник один. Есть у скворцов такое правило: прилетать перед отлётом к гнезду. Посидеть в тишине, пёрышки на солнце почистить, помурлыкать под нос. А потом — на юг. В страны дальние, земли чужие, за синий горизонт.

Но чуть весна — мой скворец тут как тут! На скворечнике сидит, песни поёт, крылышками разводит. И колечко на лапке блестит.

И так вот уже шесть лет... Шесть раз я говорил ему весной «здравствуй» и пять раз осенью сказал «до свиданья».

И стал замечать, что скворец мой постарел.

В первую весну, помню он весь от песен дрожал! Перья на горлышке дыбом. Весь блестит, будто маслом намазанный.

В шестую весну смотрю — и глазам не верю. Сидит в летке, чуть только нос высунул. Поёт нехотя: свистнет и помолчит, свистнет и помолчит. Будто сам себя слушает. Других птиц не передразнивает, голоса их позабыл, что ли...

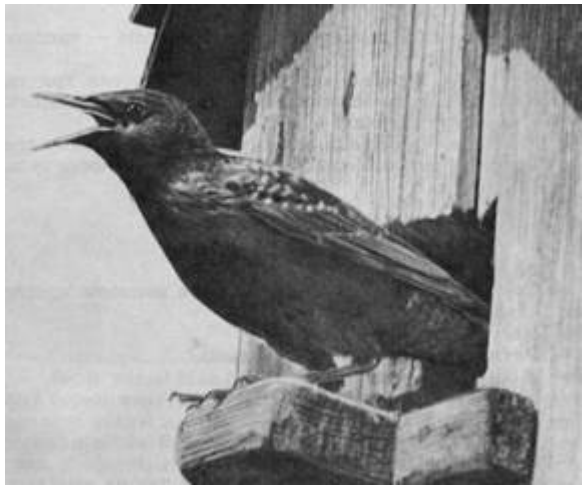
Свистел, свистел, пригрелся на солнышке — и задремал. И это в разгар пения! Голову свесил, носом «клюёт» и глаза закрыл. Никогда такого с ним не бывало.

В шестую осень только раз к пустому скворечнику прилетел. Посидел, помолчал, колечко на лапке потрогал.

— До свиданья! — сказал я ему. В шестой раз сказал «до свиданья».

Прошла зима. Опять прилетел скворец на скворечник: но не тот, не мой, без кольца. Может, сосед его, может, сын. Молодой, горластый и непоседливый. И блестит, будто маслом намазанный!

А старик не вернулся. Где-то ветер перья его разнёс? Прощай, старый скворец, — в последний раз. Здравствуй, молодой, — в первый!



Воробей и Синица

— Что, Синица, перья носом перебираешь — чистишь их, что ли?

— Не чищу, Воробей, пересчитываю. С осени три тысячи было, сейчас две тысячи пятьсот осталось. Полтысячи перьев за зиму потеряла!

— Эка беда — полтыщи за зиму! Я весной за одну драку по полсотне теряю. Чего их жалеть: были бы кости целы, перья вырастут.

Крот и Филин

— Слушай, Филин, неужели ты меня целиком проглотить можешь?

— Могу, Крот, могу. Я такой.

— Неужто и зайчонка протолкнёшь?

— И зайчонка протолкну.

— Ну, а ежа? Хи-хи...

— И ежа проглочу.

— Ишь ты! А как же колючки?

— Колючки потом выплюну.

— Смотри, какой молодец! А Медведь вон на ежа даже сесть боится...

***

— Сознайся, Лесовичок, в приметы веришь?

— Верю, верю! Мне без примет ни попить, ни поесть. Ни зиму перезимовать, ни лето пролетовать. «Зелена трава — недалече вода». «Коли грачи прямо на гнёзда прилетели, дружная весна будет». Да всё и не перескажешь. А что, у вас, у людей, тоже приметы есть?

— Есть и у нас.

— Ну-ка, ну-ка!

— «Сыч на дому кричит — к отъезду».

— Ха-ха-ха!

— «Летучая мышь в окно залетит — к беде».

— Ха-ха-ха!

— «Заяц мечется по деревне — к пожару».

— Ха-ха-ха!

— Что ты, Лесовичок, так развеселился!

— Ха-ха-ха!

— Ну, хватит, хватит. Ещё заболеешь...

— Ох, уморил! Вот так приметы! Да это же совам на смех — одни суеверия! И до чего ж вы, люди, нас, лесных жителей, плохо знаете. Чего только на наши бедные головы не напридумывали! Ну объясни ты мне, мил человек, за что вы, к примеру, зайца косым зовёте? Только и слышишь: «заяц косой», «заяц косой». И говорят, и пишут, и рисуют. А ведь он, заяц-то, вовсе и не косой! И не был косым никогда. И серым не был. «Трусишка зайка серенький».

И трусишкой не был. Это медведь с перепугу околеть может, а

заяц — никогда!

— Что делать, Лесовичок. Нам в детстве сказали, а мы повторяем. Серый так серый, косой так косой.

— Сказали, сказали... А свои глаза для чего?

— Так ведь не всякий зайца своими глазами видел.

— Ты-то вот разглядел? Ну и другим расскажи, язык небось не отвалится.

— Да разве рассказом рассказ перешибёшь?

— А ты напиши.

— И написанного написанным не исправишь.

— Ну, нарисуй тогда.

— А кто поверит? Нарисовать что хочешь можно...

Заёрзал Лесовичок на коряжке, бородёнку в кулачок зажал. И ехидно так спрашивает:

— А это у тебя в руках что за штуковина?

Как я сам не догадался! Фотография — это же сама правда. Снимку все поверят!

— Ну вот, — говорит Лесовичок, — теперь как только кто скажет, что заяц косой, так ты ему сразу снимок под нос: «Пожалуйста, убедитесь!» Надо же как-то с вашими людскими суевериями бороться. Ну, по рукам?

— По рукам!

ГЛАЗ ИЛИ УХО?

«Я это видел» надёжней звучит, чем «я это слышал». Слышали мы, что ежи яблоки на колючках таскают, что от жаб бородавки на руках бывают, что летучие мыши будто бы кровь пьют, что птицы-козодои коз доят. Все слыхали, а никто не видел!

«Что вы, что вы, чайка никогда не сядет на дерево!»

«Живёт в наших лесах косуля. Косая она, вот её и назвали «косулей».

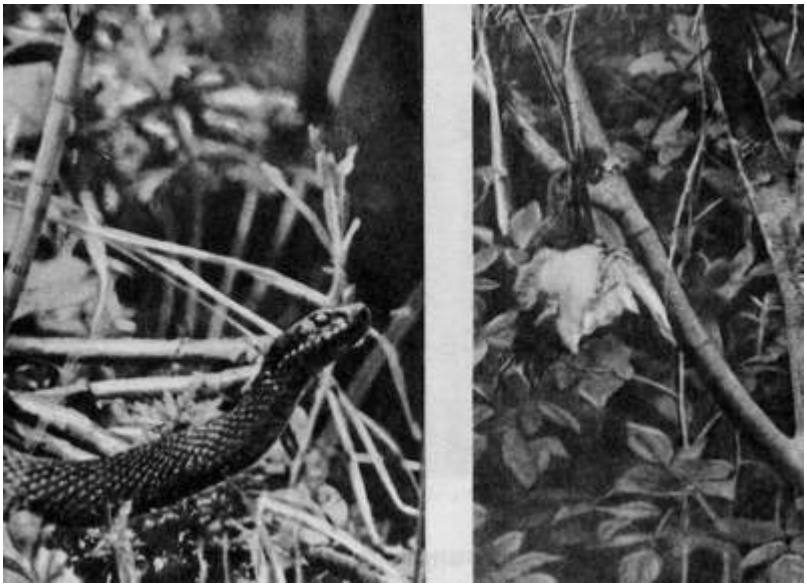
Можно услышать и ещё кое-что.

Ходит слух, что у птиц и зверей бывают самоубийства. Находили фазанов, дроздов, бурундуков, которые висели, защемив головку в рогульке сучка. Я нашёл повесившегося сорочонка. Но как только я увидел его, я понял, что это просто несчастный случай: выскакивая из гнезда, он попал головой в рогульку и невольно повис.

На кусте отчаянно металась и кричала весничка. А под кустом ползала, извиваясь, гадюка. Глазки у гадюки посверкивали как стёклышки, язычок трепетал у стиснутых губ сердито и раздражённо.

Весничка, как привязанная, перепархивала за змеёй: куда та, туда и она. Вертелась с криком над самой её головой.

«Вот он, змеиный гипноз!» — подумал я. Но тут же, на нижней ветке куста, увидел двух птенчиков веснички. И понял, почему так отчаянно и безрассудно кидалась птичка на ядовитую змею.



В ЛЕС ПО ЗАГАДКИ

Ходят в лес по ягоды, по грибы, по орехи. А что если отправиться в лес по загадки?

Интересно собирать ягоды, грибы и орехи, а загадки ещё интересней искать. Что там грибы или ягоды?! Найдёшь, соберёшь и успокоишься. А уж коли загадки разыщешь — покой потеряешь!

Как загадку нашёл — так отгадку ей подавай. Значит, снова в лес иди, отгадку ищи. Пока отгадку ищешь — две новых загадки по пути найдёшь. И пошло-поехало — конца-краю не видно!

Грибы съешь, ягоды съешь — на том и конец. Загадку разгадаешь — только начало...

* * *

Ходил и я в лес по грибы, и по ягоды, и по орехи. И так просто ходил — ни за чем. Ходил и по загадки. Простые загадки сам разгадал. А вот скопились у меня загадки особые — неразгаданные. Вот их-то я вам и предлагаю.

ЧТО ИЩЕТ В СНЕГУ КРОТ?

Все знают бельчат, ежат и зайчат. А кто вот видел кротят? В каждом живом уголке живут хомяки, бурундуки или сурки. Но ни в одном живом уголке нет крота.

Крот — самый таинственный наш зверёк.

Бегает не по земле, а под землёй. Лапы передние — как экскаваторные ковши. Глазки крошечные — как точки на этой строке. Даже шёрстка у него необычная: то приглажена, как у всех, от головы к хвосту, то, как ни у кого, от хвоста к голове!

Много в жизни крота ещё неизвестного! Ну, например, зачем крот роет туннели в снегу?

Считается, что на зиму крот уходит глубоко в землю, к теплу. Птицы к теплу улетают на юг, ну а крот зарывается в глубину. Но вот приходит весна, снег начинает таять, и всем становится видно, что крот и в сугробах ходил — по его туннелям вода журчит. И кротовые земляные кучки под снегом свежие. Говорят, что даже следы кротовые на снегу находили.

Шкурка у крота добротная, холод ему не страшен. Но что он ищет в снегу? Зачем делает в толще сугробов туннели? Да и что в снегу можно найти?

Я эту загадку не разгадал. Попробуйте вы.

БЕЛКИН МУХОМОР

Зима для зверей — время суровое. Все к ней готовятся. Медведь и барсук сало нагуливают, бурундук орехи кедровые запасает, белка — грибы. И всё, казалось бы, тут понятно и просто: и сало, и грибы, и орехи ой как зимой пригодятся!

Просто совсем, да не со всеми!

Вот, например, белка. Сушит она осенью на сучках грибы: сыроежки, опята, моховики. Грибы всё хорошие и съедобные. Но вот среди хороших и съедобных находишь вдруг... мухомор! Наткнут на сучок — красный, в белую крапинку. Для чего белке мухомор ядовитый?

Может, молодые белки по незнанию мухоморы сушат?

Может, когда поумнеют, их не едят? Может, сухой мухомор становится неядовитым?

А может, мухомор сушёный для них что-то вроде лекарства?

Много разных предположений, а точной отгадки нет. Вот бы всё разузнать и проверить!

ПОЮЩИЙ ЁЖ

Ежик — загадочный друг детства. Все его знают, все его любят, все его находили. Знаменит он своими колючками и тем, что непременно убежит, как бы его ни берегли.

У каждого юнната был свой ёж. И уж о нём-то, кажется, всё известно. Любит молоко, ловит мышей и лягушек, смело вступает в бой с гадюкой. При тревоге сворачивается в колючий шар, если трогать — грозно пыхтит и поддаёт иголками. А если не трогать, то скоро высунет из колючек свой мокрый нос, пошмыгает им и выставит глаз. Нет никого — покатится колобком. Ну, а если домой взять да приласкать, он скоро и сворачиваться перестанет. И иголки его в одну сторону лягут — хоть гладь, как котёнка. Станет совсем домашним, этакий топотун-хлопотун.

И вот оказывается, что у этого знакомого всем зверька тоже есть тайна.

Говорил мне один лесник, человек наблюдательный и правдивый, что ёж, будто бы, весною... поёт! Да не как там нибудь, а по-настоящему, чем-то похоже на птицу.

Сам я поющего ежа не слыхал. Но рассказы об этом слышал не раз. Непременно бы надо проверить. Может, из вас кто слышал ежиное пение? Тогда расскажите нам.

ЗАЯЦ ЗАГАДЫВАЕТ ЗАГАДКУ

Зимой каждый заяц пишет дневник. Пишет лапами по снегу: где был, что делал, куда пошёл. Весь снег в заячьих строчках — читай и переводи. Переводить с заячьего на человеческий интересно и просто. Вот у дороги написано: «Сидел на обочине и слушал: не идёт ли кто?» У поваленной осины написано: «Горькие веточки глодал — зимой и тому рад!» В низинке написано: «В мелочах кружил — след свой перед лёжкой путал». И дела и слова всё знакомые и привычные.

Но вот запись, которую перевести тоже просто, а вот понять — трудно. «Нору в снегу копал до самой земли». Всё верно: снег, в снегу нора до земли. И не малая — глубже метра. На дне мох мороженый надран, «шишка» рогоза растрёпанная. Может, заяц по зелени истосковался? Да нет, не похоже: ни мох, ни «шишка» не тронуты — только растрёпаны и брошены. Зачем же тогда заяц нору копал? Спать беляк в норе не ложится и от ветра в норы не прячется. Да и по следам видно: нору выкопал, «шишку» рогозовую растрепал да и поковылял дальше.

Вот вам и загадка: зачем зайцы зимой норы роют? А вот и вторая: как узнаёт заяц, что под толщей снега именно тут лежит «шишка» рогоза? А вот и третья: зачем зайцу мох и рогоз, если он не ест ни то ни другое?

И так вот всегда в лесу: одна загадка тянет вторую, вторая третью — без конца!

ТАЙНА ЧЁРНОГО ДЯТЛА

Чёрный дятел-желна — большой дятел, с ворону. А носище у него — что твоё долото. Дерево рубит — только щепки летят. И не малые: то с карандаш, а то и с пенал.

Один желна однажды за два лета целую лесную сторожку в щепки разбил. Что и говорить, дятлов нос — инструмент завидный. Бывает, в свежем дереве дыру в два кулака и глубиной по локоть пробьёт. Да и не в какой-нибудь там рыхлой осине, а в узловатой ёлке, да у самого корня: топором стукнешь — топор отскакивает! Не дятел прямо, а лесоруб.

Если о дятле просто по дырам судить, то получится, что желна лесу враг. Но если к дырам внимательно приглядеться — то поймёшь, что не враг он лесу, а друг. Лесу друг и первый леснику помощник. Потому что дыры желна выбивает только в больных и заражённых деревьях. Заглянешь в дыру и непременно увидишь в глубине либо загнившую сердцевину, либо ходы муравьёв-дровосеков. И хоть на вид дерево свежее и здоровое, а никуда уже не годится. Надо его скорей на дрова рубить, пока оно само не сгнило и соседей не заразило.

Настоящие лесники ценят желну. Он как безошибочный указатель. Ни один человеческий глаз не разглядит ещё, что дерево заболело, а желна уже нашёл его и пометил. И не просто пометит, а раздолбит в самом больном месте: вытащит личинок и переловит муравьёв. И не было ещё случая, чтобы желна ошибся и повредил здоровое дерево.

Лесники к деревьям и присматриваются, и выстукивают их, а отличить наверняка заболевшее от здорового так и не могут. А желна прицепится, клювищем раза два стукнет — и будто на рентгене просветит! А ведь бывает, что до больного места сантиметров двадцать сквозь здоровую древесину добирается!

Это и есть загадка желны.

Про грифа говорят, что он на метр под землю видит. Про желну можно сказать, что он «видит» сквозь дерево.

СЕКРЕТ ВЫПИ

Весной каждая птица спешит заявить о себе как можно громче. Соловей свистит, ворона каркает, утка крякает. У кого голос слабый, те иначе «петь» приспособились. Аист клювом трещит, бекас хвостом «блеет», дятел носом по сучку барабанит.

А болотная выпь — ревёт.

Ревёт как бык, заблудившийся в тростниках. Её за это ещё называют болотным быком и бугаем.

Многие люди слышали этот рёв. Но никто — никто! — не видел, как она это делает. Просто ли голос подаёт, как соловей, как ворона, как утка. Или с хитростью, как бекас, как аист, как дятел?

Лет сто назад один натуралист уверял, что когда выпь ревёт, то нос окунает в воду. Дует в воду — и получается рёв. Сто лет прошло, а никто до сих пор не может подтвердить это или опровергнуть. Никто больше не видел ревущей выпи. Вот какая это скрытная птица!

Выпь птица сумеречная, пугливая и осторожная. Просто увидеть её — и то уже большая удача. И живёт она в таких крепях, где без шума и шага не шагнуть.

Пытались в неволе за нею следить. Но в клетке выпь капризна: вовсе голос не подаёт.

Так никому и не удалось разгадать секрет крика выпи. Может, вам повезёт?

ТАЙНА ВАЛЬДШНЕПА

Своими глазами видел — один раз в жизни! — как вальдшнепиха несла по воздуху вальдшнепёнка. Она стиснула его с боков лапками, прижала к грудке и несла его меж ветвей осин. Вальдшнепёнок уже был большой, она его еле тащила. Казалось, летит тяжёлая, неуклюжая птица... с двумя головами!

Разглядеть такое не просто. Вальдшнеп — птица стремительная, любит густые заросли. Поэтому редко кто такое видел. И вот те, кто не видел, не верят. Не может быть, заявляют они, только звери способны своих детёнышей переносить, да и то в зубах, а не в лапах. Птицам такое не по уму, не по силам!

И верно: ни одна птица птенцов своих в лапах не переносит. Крохали иногда носят в клювах. Чёмга на спине катает. А вот чтобы в лапах — никто.

Никто... кроме вальдшнепа! Это уж я своими глазами видал.

Давайте наконец решим этот спор: переносит или не переносит? А решить его мы сможем только тогда, когда многие это увидят. Только знайте: это не просто. Было бы просто, давно бы всё было решено.

РЫБЫ ПОЛЗУТ ПО ЗЕМЛЕ

Спросите любого рыбака, выползают ли рыбы на сушу, и он, не задумываясь, сразу ответит: угри. Ещё и подробности вам расскажет. Любят-де угри выползать на берег в лунные росные ночи. Ползают по траве как змеи, ловят червей, лягушек, кузнечиков. Даже горох на поле воруют.

Теперь спросите, сами они это видали или от других слыхали? Нет, ответят, сами не видели, слышали от других.

Вот и я от других слышал. И не раз слышал. И всё-таки как-то не верится? Ну зачем рыбе на сушу лезть? Про горох-то, уж наверное, выдумка: угри — рыбы хищные, горох им совсем ни к чему. Ну, а червей, лягушек, кузнечиков слопают с удовольствием. И видится: угри, ленивые и чёрные, высовывают из воды свои змеиные головы и, извиваясь, выползают на берег. В серебристой от росы и луны траве они ищут добычу...

Неужели так оно и бывает? А почему бы и нет? Ведь живёт же в африканских реках анабас-ползун, которая, когда река пересыхает, без труда переползает по суше в соседнюю.

Но лучше, конечно, самим всё проверить. Расспросить, разузнать, проследить. Может, и наш угорь такой же диковинный, как африканский ползун? А может, и нет...

ПАДАЮТ ИЛИ НЕ ПАДАЮТ?

Зимой тетерева часто ночуют под снегом. Под снегом теплее, да и от ветра и хищных глаз скрыт. Иной раз набежишь на лыжах на такую ночёвку, а вокруг тебя, как мины, начнут «взрываться» чёрные косачи вместе с белыми фонтанами снега.

Тетеревиная спальня — это две норки в снегу: вход и выход. С выходом всё ясно. Выспавшись под снегом, тетерев утром высунет из-под снега голову, оглядится и взовьётся свечой. По краям лунки оставит два мазка крыльев. Когда особенно тихо, просто из снега вылезет и пошагает. А если тревога, то и не высовывается даже, а сразу взлетает, вздымая снежный фонтан. Это тоже всё по следам видно, и загадки тут никакой нет.

Но вот вход в спальню — загадка. Он ровный, овальный, без мазков крыльев. Будто круглый камень бросили сверху в снег. Охотники так и считают, что тетерева на ночёвку камнем падают с дерева. Сложат крылья, сожмутся, грохнутся с высоты и, пробив грудью снег, останутся в нём ночевать.

Нырять в снег с дерева-вышки не страшно, если снег глубокий и рыхлый. А вдруг на нём наст? А вдруг под снегом валежина или пень? Или до земли всего одна ладонь? Грохнешься в такой с высоты и разобьёшься насмерть.

Столько разных «вдруг», что невольно сомненье берёт: а уж и вправду ли падают косачи в снег, как камни? Может, как-то иначе попадают они под снег? Но как?

Некоторые охотники твёрдо уверены, что не падают. Но как зарываются — и они не знают. Это загадка тетеревов. И разгадать её надо юннатам.

ОГНИ НА ЦВЕТАХ

Всю жизнь можно прожить и ни разу этого не увидеть. Но уж если увидишь — надолго запомнишь.

Я видел только однажды. Вечер был тёплый и тихий. Краешек солнца ещё светился над лесом, но в кустах уже густели первые сумерки.

Вдруг на опушке леса, где уже смутно белели цветы, я заметил лёгкое голубое свечение. Было оно зыбкое, неуловимое: будто блики и отсветы невидимого огня. Будто над каждым цветком парило крохотное облачко света.

Светились цветы. Светились недолго. Я стал трогать лепестки и бутоны — они были влажными и холодными.

Всё это было так неожиданно и неправдоподобно, что я никому не рассказал. А потом узнал, что и другие видели что-то подобное. Случаи такие даже описаны.

Но почему вдруг цветы начинают светиться, пока никому неизвестно.

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Любит лиса курочку, не пропустит и уточку. Чуть ли не у каждой лисьей норы шевелятся пёрышки: куриные — белые, утиные — серые.

Сколько проклятий сыплется на лисью голову! А она и за ухом не чешет.

Вообразить невозможно, чтобы лиса с уткой в мире жила. Не помиришь кошку с мышью, а мухоловку с мухой. Лиса в птичнике — всё равно что волк в овчарне или козёл в огороде. Да и может ли быть иначе?

Но оказалось, что... может!

И не на птичнике, не в курятнике, а в степи вольной и дикой. Есть одна дикая утка, которая живёт в дружбе с дикой лисой. Да что там в дружбе — в одной норе часто живут! И не просто живут, а лисят и утят растят. В главной норе — лиса с лисятами, в боковом отнорке — утка с утятами.

Никто утку не сторожит! Голодная лиса каждый день мимо ходит. Других уток ловит, а свою жиличку не трогает.

Высидит утка утят у самого лисьего носа, высушит, обогреет и уведёт из норы на озеро. И только тут уже между лисой и уткой дружба врозь. Теперь не дремли, утка: лисица не пощадит!

Утка эта — о́гарь. Она ярко-рыжего цвета. И потому зовут её ещё красной уткой. Гнездится она на нашем юге. Гнездо её найти очень трудно. Особенно в лисьей норе. Но уж если найдёте, попробуйте разгадать тайну. Тайну небывалой дружбы лисицы и утки.

Дрозд и Сова

— Слушай, объясни ты мне, как сову от филина отличить?
— Это смотря какую сову...

— Какую сову... Обыкновенную!

— Такой совы не бывает. Бывает сова-сипуха, сова-неясыть-серая, сова ястребиная, сова болотная, сова полярная, сова ушастая...

— Ну вот ты — какая сова?

— Я-то? Я неясыть длиннохвостая.

— Ну вот как тебя от филина отличить?

— Это смотря от какого филина... Бывает филин тёмный — лесной, бывает филин светлый — пустынный, а ещё рыбный филин бывает...

— Тьфу ты, нечисть ночная! До того всё запутали, что и сами, поди, не разберётесь, кто у вас кто!

— Хо-хо-хо-хо! Бу!

Лиса и Заяц

— Был бы у тебя, Заяц, длинный хвост! Такой, как у меня!

— А на что такой мне, Лисица? Чтоб все надо мной потешались?

— Стал бы, как я, на прыжках подруливать, стал бы, как я, следы заметать, стал бы, как я, врагов обманывать!

— Тогда бы ты, Лисица, с голоду околела! Пожалей хоть себя, если меня не жалко!

* * *

— Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ноги?

— А всё потому, Лисонька, что уж очень у тебя тихие шаги да уж очень острые зубы!

***

Сидим с Лесовичком под ШАПКОЙ, помалкиваем. Вдруг в «окошко» — бельчонок!

Я пошевелился — он не испугался. Я руку протянул — он пальцы обнюхал. Корочкой угостил — взял. Будто всю жизнь из рук ел!

Я удивляюсь, а Лесовичок посмеивается.

— Твой, что ли, приручённый? — спрашиваю.

— Нет, друг мой, не мой и не приручённый. Самый что ни на есть лесной и дикий. Это загадка леса. Я давно голову над нею ломаю.

Бельчонок в углу корочку зубрит, Лесовичок рассказывает:

— Появляются вдруг в звериных семьях необыкновенные зверята — совсем не боятся человека! Сами в дома забегают, сами навстречу бегут, угощение из рук берут без боязни. Братья и сёстры дики, злобны, пугливы, а эти будто в избе выросли. И кажется мне, что ищут они с человеком дружбы, сами в друзья набиваются. Только вы, люди, никак этого не поймёте. Знаешь небось, что бывает, когда забежит в село белка, куница или барсук... Они к вам с дружбой, а вы к ним с палкой. Доверчивых убиваете, остаются одни злобные и пугливые. Но лес опять к вам своих посланцев шлёт, лес всё надеется: а вдруг люди поймут и отбросят палку? Вот и этот бельчонок — посланец лесной.

Бельчонок не слушал нас, он корку зубрил. Но весь вид его говорил: «Ну ударьте меня, посадите в клетку — дело ваше. Но в другом выводке появится опять такой же доверчивый, он снова к вам прибежит. И до тех пор будут бегать, пока вам не станет

стыдно».

— Звери надеются на человека, — говорил Лесовичок. — При большой беде к человеку бегут. Лоси от волков забегают в посёлки, куропатки в голод залетают на задворки, даже мелкие птички, спасаясь от ястреба, кидаются человеку в ноги. Такую доверчивость ценить бы надо!

Сказал и на меня посмотрел. И так посмотрел, что я невольно протянул бельчонку вторую корочку.

ТОПИК И КАТЯ

Дикого сорочонка назвали Катей, а крольчонка домашнего — Топиком. Посадили домашнего Топика и дикую Катю вместе.

Катя сразу же клюнула Топика в глаз, и он стукнул её лапой. Но скоро они подружились и зажили душа в душу: душа птичья и душа звериная. Стали две сироты друг у друга учиться.

Топик стрижёт травинки, и Катя, на него глядя, начинает травинки щипать. Ногами упирается, головой трясёт — тянет изо всех своих птенцовых сил. Топик нору роет — Катя рядом крутится, тычет носом в землю, помогает рыть.

Зато когда Катя забирается на грядку с густым мокрым салатом и начинает в нём купаться — трепыхаться и подскакивать — к ней на обучение ковыляет Топик. Но ученик он ленивый: сырость ему не нравится, купаться он не любит, и поэтому он просто начинает салат грызть.

Катя же научила Топика воровать с грядок землянику. Глядя на неё, и он стал объедать спелые ягоды. Но тут мы брали веник и прогоняли обоих.

Очень любили Катя и Топик играть в догонялки. Для начала Катя взбиралась Топику на спину и начинала долбить в макушку и щипать за уши. Когда терпение у Топика лопалось, он вскакивал и пытался удрать. Со всех своих двух ног, с отчаянным криком, помогая куцыми крыльями, пускалась вдогонку Катя. Начиналась беготня и возня.

Однажды, гоняясь за Топиком, Катя вдруг взлетела. Так Топик научил Катю летать. А сам потом научился от неё таким прыжкам, что никакие собаки стали ему не страшны.

Так вот и жили Катя и Топ. Днём играли, ночью спали на огороде. Топик в укропе, а Катя на грядке с луком. И так пропахли укропом и луком, что даже собаки, глядя на них, чихали.

НА ЗАРЯДКУ СТАНОВИСЬ!

Утро начинается с зарядки. Я включаю радио и выхожу во двор. Катя скачет за мной вдогонку. В окно несётся: «Поставьте ноги на ширину плеч. Первое упражнение — ПОТЯГИВАНИЕ. Начали: раз-два, раз-два, раз-два! Очень хорошо!»

Ещё бы не хорошо: солнце и ветер!

«Новое упражнение — ПРИСЕДАНИЕ. Присесть! Встать! Присесть! Встать!»

Катя приседает, но вставать ей не хочется. Она насмешливо смотрит на меня, удивляясь моему послушанию.

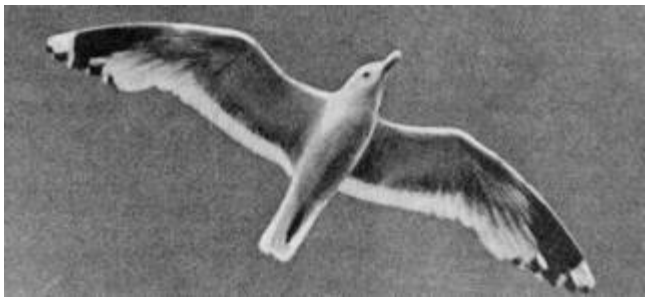
А в окно: «Последнее упражнение — ДЫХАТЕЛЬНОЕ. Начали. Дышите глубже, глубже! Так, хорошо! Руки в стороны! Очень хорошо!»

Катя дышит старательно. И вот долгожданное: «Зарядка окончена, переходите к водным процедурам!» Катя не переходит, а перелетает к тазу с водой. Окунаться, плескаться, купаться она очень любит.

После купания мы снова вместе. Мы сохнем и загораем. Я спрашиваю Катю о том и о сём. Она что-то бормочет, лопочет, стрекочет. Катя торопится: впереди день, полный событий и приключений. Вот Катя не выдержала и понеслась. Сейчас не выдержу и я.

ЧАЙКА

Я спросил у Моряка:
— Какая птица на земле самая прекрасная?
— Чайка! — не задумываясь ответил Моряк.
Я спросил у Рыбовода:
— Какая птица самая отвратительная?
— Чайка! — ответил мне Рыбовод.
С тех пор я никого больше не спрашиваю, сам смотрю.



ДОМАШНЯЯ БАБОЧКА

Ночью в коробке вдруг зашуршало. И выползло из коробки что-то усатое и мохнатое. А на спине сложенный веерок из жёлтой бумаги. Но как я обрадовался этому уродцу!

Я посадил его на абажур, и он неподвижно повис вниз спиной. Сложенный гармошкою веерок стал отвисать и распрямляться. У меня на глазах безобразный мохнатый червяк превращался в прекрасную бабочку. Наверное, так вот лягушка превращалась в царевну!

Всю зиму куколки пролежали мертво и неподвижно, как камешки. Они терпеливо ждали весну, как ждут её семена в земле. Но комнатное тепло обмануло: «семена проросли» раньше срока. И вот по окну ползает бабочка. А за окном зима. А на окне ледяные цветы. Живая бабочка ползает по мёртвым цветам.

Она порхает по комнате. Садится на эстамп с маками. Развернув спиральку тоненького хоботка, пьёт из ложечки сладкую воду. Опять садится на абажур, подставив крылышки жаркому «солнцу».

Я смотрю на неё и думаю: а почему бы не держать дома бабочек, как держим мы певчих птиц? Они не порадуют голосом, зато порадуют цветом. И если это не вредные бабочки, весной их, как птиц, можно выпустить в поле.

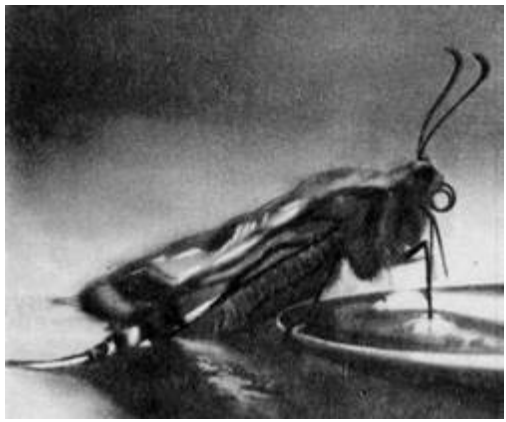
Есть ведь и певчие насекомые: сверчки и цикады. Цикады поют в спичечном коробке и даже в неплотно стиснутом кулаке. А сверчки пустыни поют прямо как птицы.

Завести бы дома красивых жуков: бронзовок, жужелиц, оленей и носорогов!

А сколько можно приручить диких растений! Ландыши, папоротники, кувшинки. А перелеска, а росянка? А волчье лыко, медвежье ухо, вороний глаз! А почему бы не развести в горшках прекрасные мухоморы, огромные грибы-зонтики или гроздья опят?

На дворе будет зима, а у нас на подоконнике — лето. Папоротники высунут из земли зелёные кулачки, ландыши вывесят восковые звоночки. Раскроется чудо-цветок белой кувшинки. И запорхает первая бабочка. И запоёт первый сверчок.

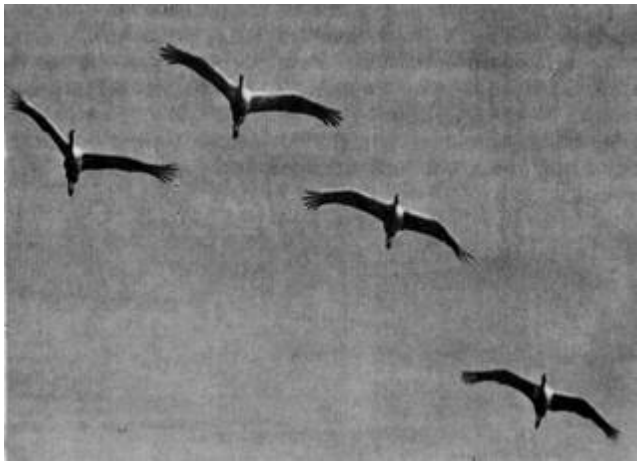
...И чего только не напридумываешь, глядя на бабочку, пьющую из ложечки чай с вареньем!



СИЛУЭТЫ НА ОБЛАКАХ

Под самыми облаками проносятся птицы. То медленно, то стремительно; в одиночку и стаями, россыпью, клином и вереницей. Ни цвета не распознать, ни голоса не расслышать. Чёрные безымянные силуэты и белые облака.

Летят журавли.

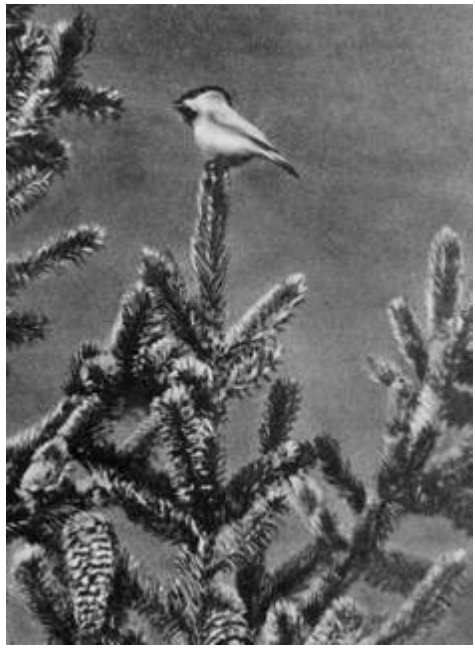


СИЛУЭТЫ НА ВЕРШИНАХ

Весной каждая птица старается себя показать. И потому каждая спешит сесть как можно выше. Что ни ёлка — то с птичкой на самом торчке. Как только ветром не сдует, как только голова не закружится!

Тетерев-косач.

Есть у пухляков выдающиеся певцы — «дудари». Песенку их отличишь сразу: свистовая, звонкая, чуть печальная. Вот «дударь» дудит...



КАРЛУХА

Карлуха — воронёнок. Живёт он во дворе. Тут он делает всё что хочет. А больше всего он хочет — прятать.

Прячет всё, что только в клюв попадёт. Корка попадёт — корку спрячет, кожура от колбасы — кожуру, камешек — камешек. Прячет он так. Шагает и по сторонам смотрит, а как высмотрит местечко укромное — тык в него носом! Положит и сверху травой прикроет. Оглядится — никто не видел? — и опять пошагает. Ещё что-нибудь прятать.

Раз он пуговицу прятал. Сунул её в самую густую траву. Ромашки там росли, колокольчики, колоски разные и метёлки. Стал пуговицу травой прикрывать. Пригнул колосок, а колосок распрямился. Метёлочку пригнул — и метёлочка выпрямилась. Ромашку наклонил — и ромашка поднялась. Колокольчик согнул — и колокольчик поднялся! Старался-старался, прятал-прятал, а пуговица сверху лежит. Вот она. У всех на виду. Любая сорока украдёт.

Растерялся Карлуха. Даже каркнул от удивления. Забрал свою пуговицу и на новое место пошагал прятать.

Сунул в траву, колосок пригнул — а тот распрямился. Колокольчик нагнул — а тот поднялся!

А сороки уже близко в кустах тарахтят, прямо как спички в коробке. Вот-вот пуговицу увидят. Скорей запихнул Карлуха её под кирпич. Побежал, щепочку принёс, заткнул дырочку. Моху нащипал — все щёлочки законопатил. Камешек сбоку привалил. И для верности ещё и сам сверху на кирпич сел.

А сороки нахальные всё равно тарахтят! Уж наверное, замышляют что-то.

Карлуха сердится. Ромашку сорвал, лапой прижал, клювом лепестки ощипывает — так и летят во все стороны. А мне со стороны кажется, что он на ромашке гадает: украдут — не украдут, украдут — не украдут?

И всё-таки пуговицу ту сороки у Карлухи украли.

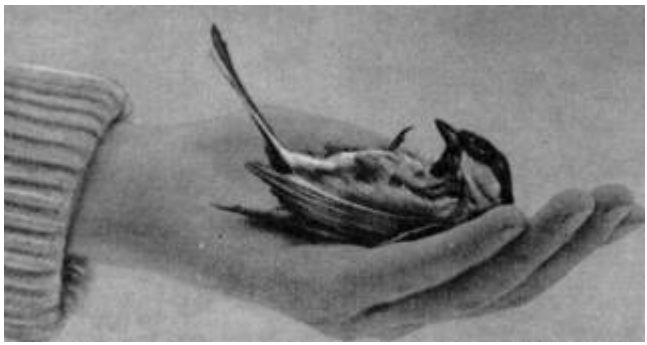
СИНИЧКА НЕОБЫКНОВЕННАЯ

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше других синиц — пухляков, московок, лазоревок. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попалась в мой западок. Я взял её в руку, и она... умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы — и вот умерла. Я растерянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза её затянулись белым. Я подержал, подержал — и положил на пенёк. И только руку отвёл — синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет — умрёт, захочет — воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи.



ЛИШНИЙ ГВОЗДЬ

До сих пор не могу забыть, как мотал его, бедолагу, ветер! Он всё повыше сесть норовил — на самую высокую «свечку» самой высокой сосны. А там, наверху, ветер; вот и мотало его вместе с веткой, да так, что у меня внизу голова кружилась, на него глядя. Но он упорно сидел, вцепившись в мохнатую «свечку» коготками, и, запрокинув клюв в небо, изо всех силёнок выкрикивал своё «крути-верти, крути-верти!».

Ему очень важно, чтоб песня его была слышна как можно дальше. Пусть все слышат, что здесь поёт он — пеструх-мухолов. Что есть у него на примете уютный дом, о чём он всем и спешит объявить. Впрочем, не всем... Ну к чему ему, например, франт горихвост, который только и умеет трясти красным хвостом? Или скворец, который его передразнивает? Не для них он на самую высокую «свечку» взлетает и песни свои выкрикивает.

Он знает, кто его должен услышать. Для неё он и поёт. Для неё на ветру мотается, под дождём мокнет. «Подумаешь, беда какая — на дожде вымокну, на ветру просохну!»

И вот она его услыхала. Она — круглоглазенькая пеструшка. Пеструх встретил её по всем правилам мухоловкиного гостеприимства. С песенкой подлетел к дуплянке — посмотрите, пожалуйста! Первый туда впорхнул, повозился внутри — ах, какие удобства! Высунулся, повертел носом по сторонам — что за вид из дупла! Рядом с пеструшкой сел — пожалуйста, залетайте, убедитесь сами!

Пеструшка была недоверчива. Пять дупел уже проверила, и ни одно не годится. Послушаешь свистунов этих, так не дупло они отыскали, а дворец. А проверишь — старая развалюшка. В бока сквозняк, на голову дождь. Ему-то что, а ей яички высиживать, птенцов растить.

Пеструшка впорхнула в дуплянку, долго чем-то шуршала, высунулась, повертела недовольно носом и улетела.

Пеструх в отчаянии кинулся вслед — да где там! Не понравилась пеструшке чем-то его дуплянка. Может, в ней щели, может, соседи не приглянулись — скворец и горихвост. У пеструшек мерка своя: главное, чтоб дом надёжный, а потом уж звонкие «крути-верти». Не для капризов, а для птенцов...

Полетел пеструх снова на свою «свечку», снова стал петь, запрокинув клюв в небо. И снова его ветер мотал и дождик мочил.

Прилетали к нему ещё пеструшки, но ни одной не понравился домик.

Так и остался пеструх один.

Ах, как вышло нехорошо! Ведь я во всём виноват, а не он! Ведь это я повесил плохую дуплянку. Ну что мне стоило вбить в неё для крепости лишний гвоздь!

СОВА, КОТОРУЮ ПОЗАБЫЛИ

У знакомого моего жила сова-сплюшка. Она так долго жила у него, что стала совсем ручной. Больше всего любила она сидеть неподвижно и дремать. Если её сажали на раму картины, она сидела на раме. Сажали на этажерку — сидела на этажерке.

Незнакомые люди часто принимали её за чучело. Да что незнакомые, даже свои, стирая пыль с вещиц на этажерке, часто машинально обтирали тряпочкой и её...

Сплюшка умудрялась спокойно сидеть на руле мотоцикла или велосипеда — и тогда все принимали её за тряпичный «талисман», который так любят вешать на руль мотоциклисты и велосипедисты.

Брали её с собой и в лес, когда выезжали за город. Сажали на сучок, но она не оживлялась и на сучке. Сидела и дремала, полузакрыв влажные свои глаза.

Она забыла лес. Она всё позабыла. Сидела и ждала, когда её угостят.

А сколько раз её где-нибудь забывали! Приедут домой, спохватятся, а сплюшки-то и нет! Вернутся в лес — сидит сплюшка там, где её забыли!

Вот такой она стала ручной и домашней.

Однажды её опять забыли. И забыли, где позабыли. Поездили, поискали — да и махнули рукой. А она, может, и сейчас ещё там сидит, где её забыли...

ТУК-ТУК, — Я ТУТ!

Я по дереву тук-тук, а он тут как тут! С лёту к сосне прилип и выставил любопытный нос: кто тут стучит?

Синее небо над ним, зелёные волны над головой перекатываются. А внизу тихо и солнце печёт.

Я стучу потихоньку, а из-за дерева то дятлов нос, то дятлов глаз. «Ты, дурень, зачем прилетел?» — спрашиваю я его. Удивляется дурень: «Как зачем? Раз тук-тук — значит, родичи тут! Только вот что-то не вижу».

Манит его родной стукоток.

Давно ли ещё все вместе стучали, в прятки-пятнашки играли, весело перекликались. Только и слышно было: «Тук-тук, — я тут! Тук-тук, — вы там? Тук-тук, — все тут!»

И вот лету конец — начало самостоятельной жизни. Каждый сам по себе, каждый сам за себя. Не до пряток, не до пятнашек: лес суровый вокруг. И каждому надо в этом лесу свою ёлку с шишками найти.

Но шапка-то на затылке совсем ещё детская, красная-красная. Вспоминается ему беззаботное времечко: «Тук-тук, — я тут! Тук-тук, — вы там? Тук-тук, — все тут!»

Вслушивается, вслушивается, вглядывается, вглядывается — а вдруг свои, а вдруг позовут? Всё выглядывает, всё надеется. Я только тук-тук, а он тут как тут!

— Ау, Медведь! Ты чего по ночам делаешь?
— Я-то? Да ем.
— А днём?
— И днём ем.
— А утром?
— Тоже ем.
— Ну, а вечером?
— И вечером ем.
— А когда же ты не ешь?
— Да когда сыт бываю.
— А когда же ты сыт бываешь?
— А никогда...

Сорока и Енот

— Енот, а Енот, а ты ягоды есть любишь?
— Люблю!
— А птенцов и яйца любишь?
— Люблю!
— А лягушек и ящериц любишь?
— Люблю!
— А жуков и сороконожек любишь?
— Люблю!
— А... а червяков и улиток любишь?
— Тоже люблю!
— А чего же ты тогда не любишь?
— Не люблю, когда меня глупыми вопросами от еды отвлекают.

Воробей

— Здорово ль живёшь, Воробей?
— Чуть-жив, Пастушок, чуть-жив!
— Сладко ль спал-ночевал, Воробей?
— Чуть-жив, Доярочка, чуть-жив!
— Чего, Воробей, не весел, чего нос повесил?
— Чуть-жив, Птичница, чуть-жив!
Пастушок ему корочку, Доярочка — зёрнышко, Птичница — колосок.
— Сыт-жив, люди добрые, сыт-жив!

Сойка и Волк

— Эй, Волк, чего хмурый такой?

— От голода.

— А рёбра отчего выпирают?

— От голода.

— А воешь отчего?

— От голода.

— Поговоришь с тобой. Заладил одно, как сорока: от голода, от голода! Чего это ты нынче такой неразговорчивый?

— От голода.

Сорока и Волк

— Батюшки, Волк, что с тобой, на тебе лица нет!

— Не видишь — в капкан попал! Лица нет... Скоро, Сорока, на мне и шкуры не станет!

***

Забрался я как-то под свою ШАПКУ ночью. Приплёлся ко мне и Лесовичок. До рассвета было не близко, и мы, слово за слово, разговорились.

— Скажи мне, Лесовичок, а лешего ты в лесу встречал?

Лесовичок хитренько усмехнулся, зыркнул на меня зелёными глазками и стал что-то шептать.

— Чего ты там шепчешь? — не удержался я.

— Да так, по привычке: сам с собой разговариваю. Да и нельзя про лешего-то громко говорить. Да ещё ночью.

— А ты шепни: встречал или не встречал?

— Как не встречать? Встречал, конечно. Вот только встретил, как к тебе шёл. Во-он в той лядине.

— Ну и какой же он, леший-то? Говорят, что у него на одной ноге копыто, а на другой лапоть?

— И так бывает, — усмехнулся Лесовичок.

— А верно, что он людей по лесу водит?

— Ещё и как! Потеха: кружат, как зайцы, по одному месту, а он знай хохочет.

— Ну вот что, Лесовичок, меня ты не проведёшь, не на простачка напал. Никаких леших в лесу нет.

— Так уж и нет! Поменьше, правда, стало, но ещё порядочно. Ишь ты, прыткий какой — нету! А кто деревья зимой в дугу сгибает? Кто стучит по ночам палкой по стволам? Кто в чащобе голосом дурным кличет? Вот тебе и нету.

— Погоди, погоди! Деревья снег сырой гнёт, по ночам стволы от мороза потрескивают, а голосом дурным сова или филин

кричат.

Лесовичок захихикал.

— Гляди, знайка какой! А кто не знает — те всё на лешего валят. Особенно — кто один в лесу ночь проведёт. С вечера ещё хорохорится: никаких леших нет, всё суеверия, бабушкины сказки! А к утру, смотришь, глазки испуганные, ушки торчком, как у зайца, и от всякого шороха дёргается.

— Так что же, Лесовичок, получается?

— А то получается, что леший — это ваше незнание. Я в лесу каждый шорох, каждый запах, каждую тень могу объяснить. А незнайке всё то послышится, то покажется, то причудится.

— Ну, а всё-таки: есть леший в лесу или нет?

— А вот мы сейчас проверим. Ну-ка, приложи ладонь к уху.

Я прислушался. Кто-то возился в болоте и тихонько икал. Икнёт и губами мокрыми пошлёпает. Никогда раньше я такого не слышал.

— Слышишь? — шепчет Лесовичок, и глазки его зелёные светятся.

— Слышу, — шепчу и я. — Кто это?

— Он это, леший... Огород в лесу копал, на болото мыться пришёл.

— Огород?

— Ну да, огород. Ты что, никогда лешева огорода не видел?

— Н-нет...

— А как он дрова на зиму запасает — тоже не видел?

— Не видел...

— А как зимой саночки по снегу возит?

— И саночки...

— Ну, тогда я тебе покажу. А пока помолчим. Рассветает. Сейчас журавли на болото танцевать выйдут. Готовь своё фоторужьё.

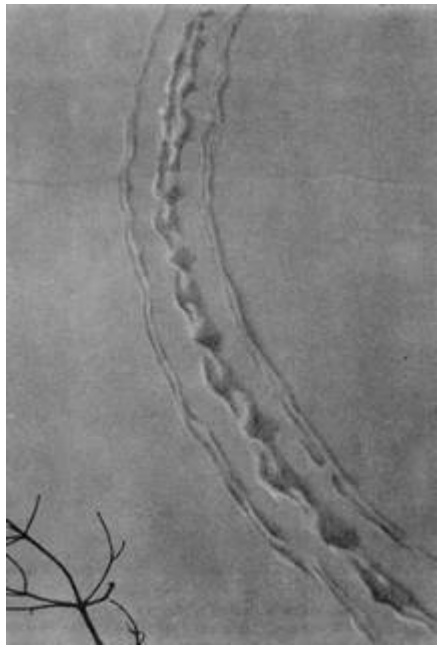
Рассветало. Небо справа пожелтело, и все лужи на болоте справа от нас стали жёлтыми. Слева небо было зелёное. Луна висела на еловой лапе, как зелёный фонарь. И все лужи слева были зелёными. И вот между зелёным и жёлтым появились чёрные журавли. Они стали танцевать, выбивая ногами разноцветные брызги.

Лесовичок загадал загадки, а вы разгадайте:
кто землю вскопал,
кто осину срубил,
кто след санный оставил?

Тут леший дрова рубил.

Вот тут леший и огород копал.

А тут леший саночки по снегу возил.



БАБОЧКИ

Бабочки тогда только живут, когда хорошо живётся. Чуть только им плохо — холодно, ветрено, сыро — они обмирают. Впадают в особый сон: ничего не видят, не слышат, не чувствуют. И тогда всё плохое и неприятное проходит мимо, будто и вовсе его нет. Нет в жизни бабочек дней тяжёлых и пасмурных — только светлые, тёплые, солнечные. Потому-то так беззаботно и весело порхают они над лугом.

Рябчик и Ёж

—Люблю я, Еж, весенние цветы!

— И я, Рябчик, люблю: такие они яркие да пёстрые!

— Да нет, Еж, совсем не то!

— Такие они нежные да пахучие.

— Опять, Еж, не то! Совсем не то!

— А что же тогда то?

— Такие они вкусные! Особенно незабудки, так в клюве и тают. Незабываемый вкус!

Кто как спит?

— Ты, Заяц, как спишь?

— Как положено — лёжа.

— А ты, Тетерев, как?

— Я сидя.

— А ты, Журавль?

— А я стоя.

— Выходит, друзья, что я, Летучая Мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!

— Как же ты спишь-отдыхаешь?

— Да вниз головой!

***

— А сказки, Лесовичок, слушать любишь?

— Страх сказки люблю; так бы и слушал, так бы и слушал...

— А кто же тебе их рассказывает в лесу?

— Лес и рассказывает. Ещё и показывает. Заслушаешься и засмотришься!

— Так уж и засмотришься! В сказках и жар-птицы огненные, ожерелья и броши драгоценные. Лешие и кикиморы. — А в лесу? Одни пни да коряги.

— Ишь ты — пни да коряги... А ну-ка, взгляни вон туда!

— Пень вижу. Пень как пень.

— Ты всматривайся, всматривайся.

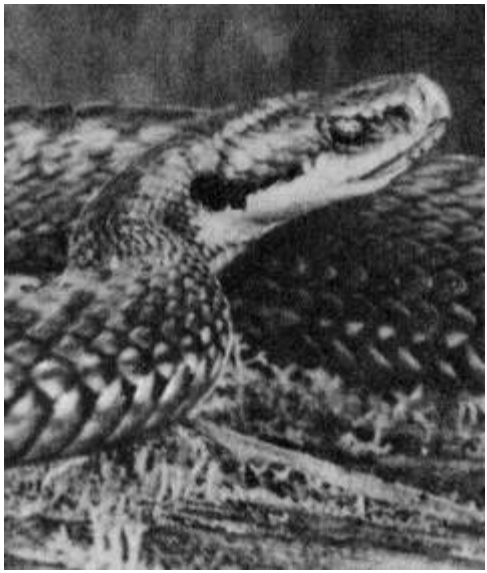
— Это зачем же?

— Примета такая: если хочешь, чтобы пень зашевелился, начни в него всматриваться. Он и оживёт и зашевелится. Гляди ещё и напугает — ну прямо как в сказке!

«За оврагом ольховым — горка сосновая, за горкой сосновой — моховое болото. На болоте бугор вересковый. Дерево посредине бугра непонятное: стоит, скрипит да из дупла смотрит...»

«...и нету туда ни пути, ни дороги. А ты иди! Через ручей светлый, через речку тёмную, через гарь и болото. За болотом ельник непроглядный, посреди ельника полянка светится. Посреди той полянки он и сидит. Сидит и молчит...»

«Не простой там лес, особенный. Вверх посмотришь — сердце забьётся, по сторонам посмотришь — сердце дрогнет, вниз посмотришь — сердце замрёт. Лежит внизу змея рябая. На тебя смотрит и улыбается. Будто что-то про тебя знает...»



«Одолень-трава, одолей ты мне злых людей, одолей чародея и ябедника! И только сказал так — распахнулись листья папоротника, а под ними бриллианты да самоцветы, браслеты, броши да ожерелья».

«Под горой каменной — озерцо зеркальное, в озерце — кикимора болотная. День и ночь в зеркало смотрится...»

— Что ж, увидел небось? — спрашивает Лесовичок.

Я даже вздрогнул:

— Увидел, увидел...

— Ну вот и ладно. А то: пни да коряги! Сказки, брат, к вам в дома из леса пришли. Сказки и сейчас по лесам прячутся. Ты только всматривайся, всматривайся.

Иволга и Кукушка

— Слушай, Иволга, о какой это зиме местные пичужки щебечут? Будто бы зима бывает, белый снег землю закроет, морозы затрещат?

— Э-э, Кукушка, болтовня всё пустая. Сколько на свете живу — никакой зимы и снега не видела. На родину прилечу — лето, в

Африку вернусь — лето. На всей земле лето!

Дуб и Рябина

— Ой, Рябина-рябинушка, что взгрустнула ты?

— Была я, Дуб, свежей рябинкой, а стала сухой корягой. Ободрали меня как липку, разделали под орех. Ни ягод, ни сучков, ни веток — хоть в костёр головой. Хоть бы ты за меня вступился.

— Что ты, Рябинушка! Я сам такой, что краше в дровяной склад кладут. Всю осень жёлуди с меня сшибали — камнями да палками молотили. Всю душу вытрясли. Был я дубом, а стал дубиной.

Заяц и Медведь

— Белка на зиму грибы запасает. Бурундук — орехи. А ты. Медведь, всё без дела шатаешься. Вот засыплет снег землю — что лопать-то станешь?

— Ты, косой, за меня не волнуйся. Я, брат, самоед. Я зимой сам себя ем. На-ко, пощупай, сколько я сала под шкуркой припас — на всю зиму хватит. Я по лесу не зря шатаюсь, я сало коплю. Что и тебе, косой, советую.

— Э-э, Медведь, какое там сало... Нам, зайцам, в лесу не до жиру, быть бы хоть живу!

***

Сегодня под ШАПКОЙ задал мне Лесовичок странный вопрос:

— Скажи мне, мил человек, — чем ты смотришь?

— Как это чем? Как и ты — глазами.

— А видишь чем?

— И вижу глазами. Чего это ты чудишь: разве смотреть и видеть не одно и то же?

— Что ты, что ты! — замахал руками Лесовичок. — Совсем это разное дело. Было бы одинаковое, так все и видели бы одно и то же. А то вон пчела смотрит глазами, а видит-то... животом!

— Скажешь тоже — животом!

— Животом, животом, я-то знаю. Её глаза живот направляет. Летит над полем, на все цветы смотрит, а видит только те, в которых нектар сладкий. А все остальные — нераскрывшиеся, увядшие, засохшие — не замечает, они для неё как в тумане.

— Ишь ты!

— Да, да! Если бы у тебя были глаза пчелы, то видел бы ты на улице одни продовольственные магазины и ларьки. А в лесу видел бы только грибы, ягоды да орехи. Вот скажи, что ты видишь, когда смотришь на небо?

— Синеву вижу, облака вижу, сияние...

— «Синеву», «облака», «сияние»! — передразнил Лесовичок. — А вот лягушка или мухоловка видят на небе одних комаров да мух. Небо для них всё в чёрную крапинку. Всё равно что для тебя витрина гастронома.

Лесовичок задумчиво теребил ухо.

— Вот оно как: сияние, синева... А для чего они — сияние и

синева? Сыт ими не будешь...

Вот у птиц, у зверей, насекомышей и управляет глазами живот. Потому-то, видать, их и называют — животные...

ЖАДНАЯ СОЙКА

Зимой самая добычливая охота с фоторужьём — у жилья. «Добыл» я тут и сороку, и ворону, и галку. Но никак не давалась мне сойка. И не потому, что очень уж осторожна: осторожна и пуглива она в лесу — что правда, то правда. А у жилья она куда глупее сорок, ворон и галок. Эти к человеку весь год приглядываются, доверяют только тем, кто внимания на них не обращает. А сойка — вольная птица. У жилья только зимой и потому не знает всех человеческих хитростей.

На прикормку сойка летит доверчиво и жадно. Но из-за этой-то жадности и трудно ее снять. Вдруг появится, стукнет коготками жесткими по деревянной доске, кинется к куску, взмахнёт широкими крыльями — и уже в воздухе. Спрячет кусок в лесу — за вторым летит. Опять стук коготков, быстрый взмах крыльев — в глазах рябит: рыжее, белое, чёрное! От леса к дому, от дома к лесу, кусок за куском, туда-сюда — ни навести не успеть, ни снять.

И вдруг — удача! Помогла та самая соечья жадность, которая до сих пор так мешала. Жадность и... три картошки.

Положил я на стол картошки: одна другой меньше. Сам залез под ШАПКУ. Вот стук коготков, быстрый взмах крыльев: сойка хватает крайнюю маленькую картошку. Схватила, выпрямилась — сейчас улетит! Но — чудо! — сойка не улетела, сойка растерялась! Сойку одолела жадность: она бросила маленькую картошку, схватила побольше. А рядом-то лежит ещё больше! Бросает среднюю и хватает самую большую. Теперь скорей в лес. Но жадность, жадность! Сойка склоняет шею, ёрзает клювом по доскам, исхитряется прихватить к большой картошине ещё и маленькую. И я успеваю её снять.

Теперь-то я знаю, что делать!

С помощью разных картошин я стану командовать жадной сойкой как захочу. И даже не разных, а двух одинаковых. Да, да, совсем одинаковых, только обязательно двух!

На столе две одинаковые картошки. Стук коготков — и сойка хватает одну. Но кажется завистливому глазу, что рядом больше кусок. Отброшена первая, в клюве вторая.

Нет, вторая, вроде, полегче. Брошена первая, скорей за вторую!

А я снимаю, снимаю, снимаю...

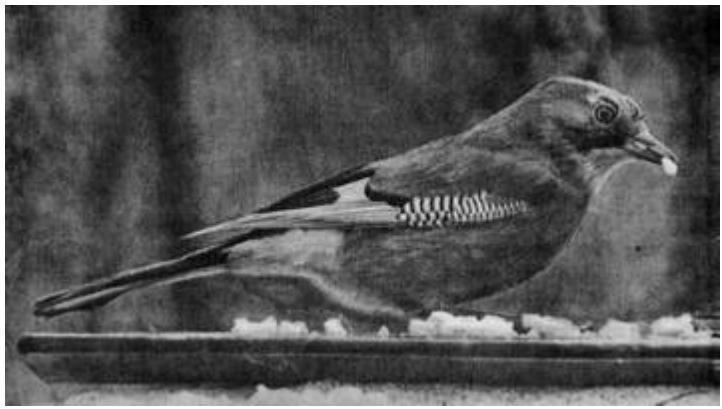
А соечий глаз горит, горит. То первая картошина в клюве, то снова вторая. То вторая, то снова первая.

А я снимаю, снимаю, снимаю...

Сойка мечется от одной к другой. Пора бы лететь, но жадность, жадность!

А я снимаю, снимаю, снимаю...

И глаза мои тоже горят, и жадность одолевает. Давно снята сойка, а всё снимаю, снимаю, снимаю...



ГОРЯЧАЯ ПОРА

Настала пора гнездо выстилать: каждое пёрышко на счету, всякая шерстинка в цене. И вдруг видит воробей: скачет по земле большущий клок ваты! Ну, если бы он просто лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай, пока другие не опередили! Но клок не лежит, а сам по земле как живой скачет! Все воробьи вокруг клювы разинули от удивления.

Вот клок ваты вспорхнул вверх и уселся на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Покрутился, покрутился да как полетит! Смешно летит: как слепой, ровненько, как по ниточке. Да сослепу-то, со всего-то разгону бряк о столб телефонный! И вывалился тут из клочка ваты... сосед-воробей!

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле прыгала, и по воздуху не сама летала: воробей её тащил. Такой клок ухватил — больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил — всех опередил! — да закрыла вата ему весь белый свет. И бросить жалко, а куда тащить, в какой стороне гнездо, из-за ваты не видно. Скакал, порхал да и на столб напоролся; нос расшиб и вату обронил.

Другие воробьи, конечно, сразу же её утащили. Прямо из-под разбитого носа. Не успел и глазом моргнуть.

ПТИЧЬИ ПРИЧЁСКИ

Птичьи причёски можно смело в парикмахерских выставлять. И при виде их дрогнет и замрёт не одно сердце. Ну, например, вот. Это степной щёголь — журавль. Его так и называют: журавль-красавка. Правда, хорош?

Он ловко шагал, как шагает спортсмен или танцор. Он посматривал свысока, с ленцой поворачивал стройную шею, и белые косицы его чуть подрагивали в такт широким шагам. Как съёжилось бы его птичье сердце, если бы он вдруг заметил меня! Но он не заметил, сердце его не сжалось. И тогда моё подскочило от радости: я мог спокойно снимать!

Вот ещё замечательная причёска. Когда он заметил меня, «волосы» на его голове встали дыбом! Глухим, каким-то потусторонним голосом он прокричал: «Кто-то тут? Кто-то тут?»

— Никого нету тут, — пробурчал я, пытаясь усыпить его бдительность.

Удод недоверчиво покосился, но причёска его улеглась.

Два раза ещё он распускал свой лихой и роскошный хохол: один раз, когда к нему подсела его подружка, и второй раз, когда он так перед нею раззадавался, что чуть не упал с ветки!

Ястреб и Оляпка

— Ну, Оляпка, попался, сейчас я тебя сцапаю!
— А я, Ястреб, от тебя в полынью нырну.
— А я тебя у полыньи подкараулю!
— А я в другую полынью выскочу.
— А я у другой подкараулю!
— А я тогда в первую выскочу.
— А я... И долго ты так вперёд-назад будешь мотаться?
— Да пока тебе за мной гоняться не надоест!

Косуля и Косач

— Послушай, Косач! Оба мы на снегу спим, но я почему-то замерзаю до невозможности, а тебе хоть бы хны! Отчего это, а?

— А оттого, Косуля, что не знаешь ты, как люди снег называют.

— Как же они его называют?

— Белым покрывалом называют, пуховым одеялом.

— Ну так и что же, что одеялом?

— А то, что спать-то под одеялом положено, а не поверх! Спи, как я, в пуховом снегу с головой — и не продрогнешь.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Всё лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щёчки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени сами стали как солнышки — багряными и золотыми.

Налились, отяжелели и потекли.

Полетели иволгами по ветру. Запрыгали белками по сучкам. Понеслись куницами по земле.

Зашумел в лесу золотой дождь.

Капля по листику щёлкнет — сорвётся лист. Синицы на ветке завозятся — брызнут листья по сторонам. Ветер вдруг налетит — закружится пёстрый смерч. А если неуклюжий косач с лёту вломится в ветви, хлынет сверкающий водопад.

По колено в листьях деревья стоят.

Елочки листьями украсились, папоротники под листьями пригрелись, грибы под листьями спрятались.

Листья шуршат, скребутся, лопочут. Листья летят, качаются и бегут. Листья вверху, внизу и вокруг.

Шумит золотой дождь.

КОСАЧИНЫЙ ЧАС

Если на всём свете вдруг бы остановились часы — знаете, куда бы я пошёл? Я пошёл бы на ток и узнал время у косачей!

У косачей нет часов. Но время они знают. Точно знают, хоть и определяют его на глазок.

Мы тоже чувствуем время. Кто привык завтракать, обедать и ужинать в одни и те же часы, тот эти часы не пропустит. Живот ему время подскажет: как под ложечкой засосёт — так и пора!

Косачам время подсказывает глаз. Темень в лесу ещё тьмущая, в деревне только первые петухи орут, а у косачей подъём на крыло. Что-то увидели их глаза в тёмном небе: пора на ток песни петь. Солнце ещё глубоко за краем земли, а косачи знают — пора! Пришёл их косачиный час.

Четыре весны я ходил на ток, четыре весны отмечал первую песню. И вот что у меня получилось. Беру первое попавшееся число — 29 апреля. В этот день в 1962 году первый косач запел на току в 3 часа 31 минуту, в 63 году — в 3 часа 35 минут, в 64 — в 3 часа 30 минут, в 65 — 3 часа 34 минуты. Четыре года — и чуть ли не минута в минуту!

И вот пятая весна 29 апреля. Я под ШАПКОЙ: проверяю часы косачей. Обычная весенняя ночь, привычный весенний рассвет. Всё как всегда. Носятся в темноте, скрипя крыльями, чибисы. Бекас жужжит над головой, словно муха, попавшая в паутину. 3 часа 30 минут: сейчас запоёт косач! А косач не поёт... Три часа

сорок минут, а косачи молчат! Что же случилось? Но вот, наконец, знакомое бульканье, будто кто-то горло полощет — запел. С опозданием на 20 минут!

Наверное, это молодой косач, объясняю я сам себе, опыта у него ещё нет. Или лодырь — проспал положенный час. Да и не просто ведь столько лет из утра в утро точно угадывать время! Разок можно и ошибиться. Подумаешь — 20 минут.

Дома, греясь горячим чаем, я говорил:

— Заржавела пружина в косачиных часах! На двадцать минут отстали.

И только сказал — слышу радио! «Говорит Москва. С добрым утром, товарищи! Московское время шесть часов». А на моих — двадцать минут седьмого...

Мои часы подвели: стальные, удароустойчивые и водонепроницаемые! А косачиные — нежные, невидимые, непонятные! — работают точно. Из весны в весну, из утра в утро. Теперь я спокоен: что бы там ни случилось, вовремя кончится ночь, вовремя запоют косачи, вовремя поднимется солнце.

СОЛОВЕЙ ПОЁТ

Соловей поёт, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то хвост выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловьиха думает: «Раз поёт — значит, место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть, что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поёт, шельмец! Пора западню готовить».

Прохожий думает: «Вот и ещё одна зима позади...»

А соловей поёт и поёт.

А все вокруг думают, думают...

ВЫЕДЕННОЕ ЯЙЦО

Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сеть плети. Паучишка только тем и занят, что сети плетёт. А это — ой как не просто!

Сплёл между деревьями — ветер сеть разметал. Сплёл между кустами — роса на сеть осела, все нити порвала. Соткал сеть внизу, между травинок — и тут не уцелела! Ежик бежал, колючками зацепил, сеть порвал и самого чуть не заколол.

Другой, может, после бед таких вовсе перестал бы сети плести. А паучишке что делать? Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сети плети.

Опустился паучишка на самую землю и поселился... в пустом птичьем яйце! Ворона яйцо расклевала, белок и желток выпила, а пустую скорлупку бросила. Вот дом так дом — всем домам дом! Ветер не дует, дождик не мочит, птицы и звери внимания не обращают: кому выеденное яйцо надо?

Паучишка и рад: не мешают дело делать, сеть серебряную плести, мух сетью ловить.

ДЕРЕВЬЯ СКРИПЯТ

Каждое скрипучее дерево на свой лад скрипит. Интересно слушать в лесу этот скрип. Раньше, бывало, я все ночёвки свои только под скрипучими деревьями и устраивал. Солнце за лес — начинаешь прислушиваться. Как услышу — скрипит! — тут и рюкзак сбрасываю.

Валежник собираешь — оно скрипит, рогульки для котелка вырубаешь — скрипит, лапник стелешь — всё скрипит, скрипит...

И за треском костра слышен скрип, и за бульканьем чая. Сквозь дремоту, всю ночь — скрип да скрип.

К утру уже знаешь, почему скрипит.

То растут два дерева тесно, упёрлись друг в друга сучьями, одно другое отталкивает, отпихивает — вот и скрипят.

Бывает, ветер повалит одно другому на плечи — тоже оба скрипят.

Иное на вид живо-здорово, да сердцевина трухлявая: чуть ветерок — скрипит. А то снег зимой в дугу скрючит — за всё лето распрямиться не может. Стоит гнутое, голова лохматая в землю уткнута — тоже скрипит.

Наслушался я по лесам скрипа. Ни рощи нет, ни бора и ни дубравы, где бы дерево не скрипело. И каждое по-особому. И каждое о своём...

ИМЕНА ПТИЦ

Забавные у птиц встречаются имена! Ну, например, птица поганка. Поганка, да ещё и рогатая! Или птичка завирушка. Или юла.

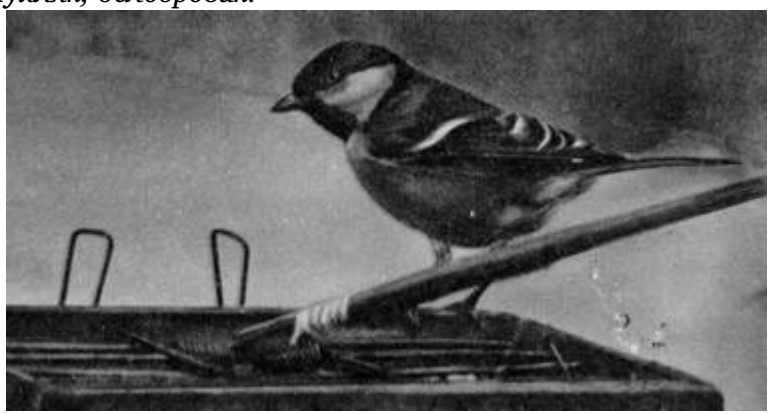
А вот совсем милые имена: овсянка, просянка, коноплянка, малиновка и даже чечевица! А разве плохое название чиж или чечётка?

Или вот, пожалуйста: зеленушка, синехвостка, сизоворонка! Названия-прозвища лучше всего. В них и внимание, и радость от встречи, и счастье открытия. Зарянка... Это та, что поёт на заре. Лунь... Это тот, что «сед, как лунь». Кукушка... «Кукушка, кукушка, сколько мне лет ещё жить?» А она: «ку-ку» да «ку-ку», и чем дольше кукует, тем ты больше доволен.

Бывают названия скучные: каменка обыкновенная, горлица обыкновенная. Птица — и вдруг «обыкновенная!». Да не могут птицы быть «обыкновенными»! Вы только к ним присмотритесь, прислушайтесь. Живое не бывает обыкновенным.

Живых называть надо метко и весело, чтоб и в определителях не копаться: пришёл, увидел — узнал!

Пухляк, белобровик.



СЕНТЯБРЬ

Сыплет осенний нудный дождь.

С шорохом падают листья.

Лес стоит тихий, опустошённый.

И вдруг лесную тишину нарушает ярое весеннее бормотание тетерева!

Певчий дрозд откликнулся — просвистел свою песню. Затенькала птичка-капёлька — пеночка-теньковка.

И на опушке, и в глубине леса послышались птичьи голоса. Это прощальные песни птиц. Но и в прощальных песнях их слышится радость.

Странный в сентябре лес — в нём рядом осень и весна.

Жёлтый лист и зелёная травинка.

Увядание и расцвет.

Тишина и песни.

И грустно и радостно!

Барсук и Заяц

— Вот бы тебе, Заяц, да лисьи зубы!

— Э-э, Барсук, всё равно плохо...

— Вот бы тебе, серый, да волчьи ноги!

— Э-э, Барсук, не велико счастье...

— Вот бы тебе, косой, да рысиные когти!

— Э-э, Барсук, что мне клыки да когти! Душа-то у меня всё равно заячья...

Барсук и Медведь

— Что, Медведь, спишь ещё?

— Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался, пятый месяц без просыпу дрыхну. Все бока отлежал!

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора. Спи ещё.

— А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?

— Не бойсь! Она, брат, разбудит.

— А что она — постучит, песенку споёт или пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём-то тяжёл!

— Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — не залежишься! Спи уж, пока сухой.

КАМЕННАЯ ПЕРИНКА

Птенцы вылупляются слабыми.

Только поднимут головы вверх, и тык в землю носом!

Но мамы о них заботятся. Под животы и бока стелют пёрышки и пушинки. Пушинка к пушинке, пёрышко к пёрышку. Ни живот не натрёшь, ни бока не набьёшь, через голову перекатывайся и тыкайся носом хоть тысячу раз!

И вдруг нахожу гнездо, в котором яички на голых камнях лежат! Ни листика, ни травинки, ни пёрышка, ни пушинки. Одни камешки, жёсткие да гранёные.

В таком гнезде не разбалуешься, через голову не перекатишься. Носом тыкнешься — тоже в камень! Будто не мать перинку слала, а злая мачеха.

Вылупились в каменном гнезде птенцы — каждый со своею перинкой! В пуху с головы до ног, будто знали, что им на голых камнях лежать. Не унывают: головки уверенно держат, глаза смотрят весело, ножки не расползаются. Хоть сразу наперегонки! Люлька таким не нужна. Чуть обсохли — и ходу. Прощай, каменное гнездо! А спать в пути захотел — постелька всегда с собой: живот подстелил, пуховой спинкой накрылся. Зуйчиха будет сон сторожить. Никому в обиду не даст. Потому что мать она, а не мачеха.

ТРЕТИЙ

Две птички сплетали гнездо — круглое, как яичко.

Две птички маскировали его — мхом, лишайником, паучиными коконами. Две птички поочерёдно высиживали яички — кругленькие, как горошинки. Две птички тревожились у гнезда. Всегда и везде они были вдвоём. Две длиннохвостые синички. Неотличимые и неразлучные.

И вот у парочки вылупились птенцы. И тут у гнезда объявился третий! Тоже длиннохвостая синичка: чужак или чужиха. А ведёт себя, как свояк. Будто и он гнездо сплетал. Будто и он маскировал. И яйца высиживал, и тревожился. Нос свой короткий в гнездо суёт, птенцов пауками и мухами угощает. И парочка моя его терпит!

Горихвостки бы третьего до смерти заклевали, дятлы бы из леса прогнали, дрозды бы хвост выщипали. А эти — хоть бы что!

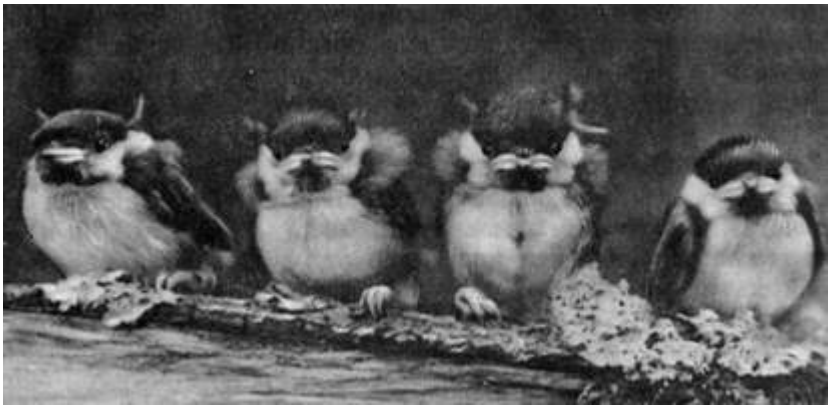
Три птички у гнезда стали жить. Дружной троицей улетают, дружно в ветвях перекликаются, дружно насекомышей ищут. Дружно к гнезду летят и один за другим птенцов кормят.

Птенцы быстро растут. В окошко выглядывают. Ждут папу с мамой. И третьего, неизвестного.

Кто же он, этот третий?

Может, несчастный, который своих птенцов потерял и вот к чужим прибился? Такое у птиц бывает. Может, это сын их или дочь прошлогодние? И такое у птиц бывает. А может, родственник или знакомый, что сам гнезда не свил? Кто его знает, на лбу у него не написано.

Вырастили птенцов три дружные птички. Да не мало, а целую дюжину!



РАСТЕРЯВШИЕСЯ ПЕРЕЛЕСКИ

Перелески любят на солнце смотреть. Всю весну глаз с солнца не сводят. Глаза жёлтые, ресницы белые — куда солнце, туда и глаза.

Как проснутся, так глаза на восток. И весь день, как заворожённые, поворачивают головки от востока на юг, а от юга на запад. Солнце за лес — перелески ресницы смежат и спят до утра.

Весело и просто на солнце глядеть: знай только голову поворачивай.

Но однажды перелески растерялись. Солнце поднялось за облаками. И днём его было не видно. И вечером садилось за тучу. В какую сторону голову поворачивать?

Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повёрнуты в разные стороны. Смотрят, смотрят, а солнца и нет!

Согнулись слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза уставились в землю.

ФЛАЖКИ НА БОЛОТЕ

Неохота вылезать из-под тёплого одеяла!

За окном сырая весенняя ночь. Без того знобит, а тут натягивай ещё скользкие сапоги, задубелую куртку.

— Ну куда тебя несёт? — возмущается во мне нытик. — В чёрное лесное болото! Под сапогами будет булькать вода, засопит и зачмокает хлябь, в глаза будут тыкаться сучья...

А бодрячок хорохорится:

— Подумаешь — хлябь, первый раз, что ли? А вдруг что-нибудь и увидишь!

— Ну что ты увидишь? — канючит нытик. — Всю весну месишь грязь; всё уже видано-перевидано! Всё расписано по минутам. В два пятьдесят заблеет бекас, в три часа прилетят косачи, через тридцать минут они запоют. В пять десять пролетит над током ворона, в пять тридцать прилетят на болото чайки. Хоть часы проверяй!

— А вдруг? — сопротивляется бодрячок.

— Что «вдруг», что «вдруг»? — сердится нытик. — «Вдруг» только в книжках бывает. А вот ноги будут в засидке мёрзнуть — чай, воды по колено. Спина замлеет, пальцы перестанут сгибаться. И уж это не вдруг, а наверняка!

— Всё так, — вздыхает бодрячок. — И руки, и ноги, и пальцы. И замлеет спина. И чайки прилетят в половине шестого. Пошли!

Я выхожу за дверь и долго стою, приглядываясь к темноте. Но вот сдвигается туча и показывается луна. И сразу земля отделилась от неба — можно идти. Я шагаю мимо деревни. Моросит, грязь под ногами мнётся, как упругий пластилин. Луна поочерёдно вспыхивает в окнах домов: будто в них кто-то зажигает и сразу же гасит свет.

Я иду по болоту, и лунный свет теперь уже вспыхивает и гаснет в лужах. Всё — как говорил нытик: и тень, и холод, и хлябь.

Бодрячок хрипло дышит. Потом толкает меня под ШАПКУ и прячет нос в воротник.

Два часа пятьдесят минут. Над головой заблеял бекас.

Три часа. Короткое «па-па-па!» — и рядом уселся косач.

Три часа двадцать пять минут. Слышится странное бульканье, будто воду льют из бутылки. Это косач заворковал.

Нытик зевает:

— Я что говорил?

И вдруг...

Бодрячок кричит прямо в ухо:

— Ты только послушай, ты такого ещё не слыхал!

— Тише, тише, — успокаиваю я его. — Может, тебе показалось?

Но я уже знаю: не показалось! Слышатся звуки, которых я ещё не слыхал. Я слушаю и пишу: «3 часа 30 минут. На чёрном болоте незнакомые звуки — будто быстро лопаются пузыри».

Как и положено, ровно в пять десять над током пролетела ворона. Ровно в пять тридцать появились и чайки. Но нытик уже не ехидничает.

Вода на болоте золотая от солнца. Кочки в ней — как чёрные камни. И чуть не на каждой кочке — белый флажок! Непонятные белые треугольники, непонятные тихие звуки.

Белые точки то появляются, то исчезают. Так умеют подмигивать солнечные зайчики. Но это не «зайчики», это чибисы. Первый раз в жизни я вижу чибисиные танцы!

Бодрячок хватает нытика за воротник:

— Будешь, будешь скулить? Говорил я тебе «а вдруг»? То-то, Фома неверный!

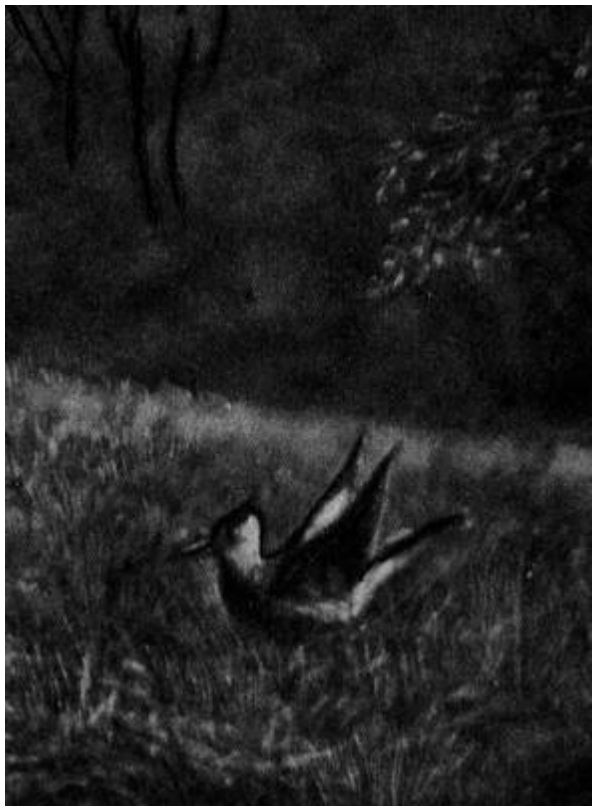
На каждой кочке — пара. До чего ж они хороши! Зелёные крылья и спинки, снежно-белые грудки и красные ножки, блестящие от росы и солнца.

Он поклонится ей, клювом сорвёт травинку и отбросит её вправо. Она сейчас же — ответный поклон, тоже сорвёт травинку, но отбросит влево. Поклон и травинка, поклон и травинка. Наверно, на счастье бросают: по всему видно, что будет у них тут гнездо.

«У-у, ку-ку-ку-ку! У-у, ку-ку-ку-ку!» — начинает петь кавалер, а сам клонится грудкой в мох, сложенные крылья ставит торчком, хвостик задирает вверх и трясёт им, как белым платочком.

Чибисы ждали этого дня. Хорош бы я был, если б его пропустил! Никогда б не узнал, что этот пернатый народец так занятно танцует на кочках болота.

Я тычу нытика носом в мох. Потому что новое не узнать — это хуже, чем старое позабыть. Подумаешь, старое! Оно всем известно.



ПЕТЬ ТАК ПЕТЬ!

Не зря певчих птиц певчими назвали. Знали, что делали. Вот жаворонок хотя бы: там, где он, сам воздух поёт! Каждая струйка ветра пропитана песней. Кружит над полем, кружит — и всё поёт да поёт.

Певчие птицы поют старательно, серьёзно, самозабвенно. Песня для них не шутка. Песней они утверждают себя. «Что могут сказать о тебе другие, если сам ты о себе ничего не можешь сказать?» Вот птицы и говорят о себе песней. «Я пою — значит, я тут, я весел, я существую!»

«Я пою значит, я занял место под солнцем, нашёл уголок для гнезда, значит, я не бездомный бродяга!»

«Я пою, я жду, — прилетай!»

Это просто и ясно, но всё это надо повторять и повторять.

И они повторяют. Зяблик в рассветный час может спеть 300 песен. Натощак: не пьёт и не ест! А потом, подкрепившись жучком или мухой, споёт до вечера ещё песенок тысячи две с половиной.

Пуще зяблика заливается лесной конёк: от зари до зари успевает спеть песен три тысячи восемьсот! И не охрипнет, и горлышко не прополощет. И так всё лето поёт.

Тысячи тысяч песен гремят по лесам. Тысячи тысяч в полях. Над болотом, над лугом, в степи.

ПЕСНЯ ИЗ ДВУХ БУКВ

Ночью в лесу слышен самый слабый звук. Слышно, как упадёт хвоинка. Как скребёт под корою жук. Как пробежит землеройка — зверь ростом с... пчелу!

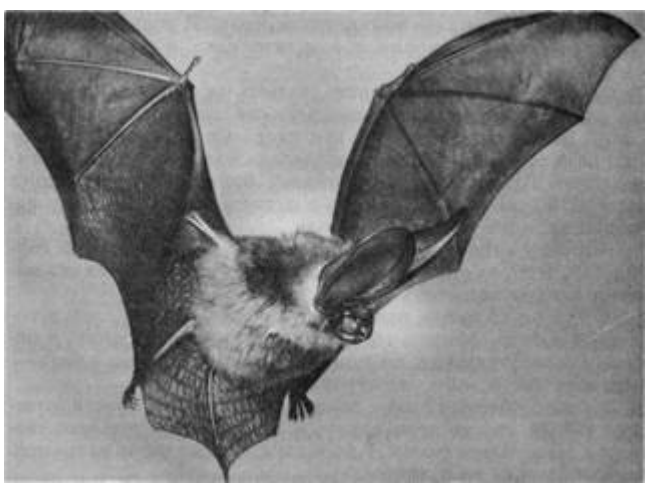
Но вот звук незнакомый и громкий послышался с вырубки: резкая трелька из двух букв — «з» и «р»: «З-рррр! З-ррр!»

Иду осторожно, отгибая от лица колючие ветки. На вырубке светло от луны. Стоит засохшее дерево. В дереве чёрное пятно дупла. Незнакомая песенка-трель льётся из дупла, как ручеёк.

Быстро вспоминаю ночных певцов: козодой, сверчок, кузнечик? Нет, всё не то. Тихо подхожу к дереву и скребу его пальцами. Для жителей дупел тихое царапанье страшнее самых громких ударов. Уж им-то известно, что настоящий враг с барабанным боем по лесу не ходит!

Сейчас же стрекотание умолкает — и из дупла выпархивает... летучая мышь!

Потом я ушёл от дупла, и трели послышались снова. Долго пела летучая мышь. Я слушал её с удовольствием. Лету конец, птицы умолкли давно, и в безмолвии ночи радуешься любому живому голосу. Да и песенка совсем не плоха, хоть и вся-то она из двух букв.



ЗВЕРИ НА УЛИЦАХ

Глухая зимняя ночь. Тёмные проспекты, как широкие лесные просеки. Над просекой зелёная луна-светофор. Безлюдно и тихо. И вот в этот тихий час на улицы города выходят звери...

Ночью их трудно увидеть. Прошуршит снежок, промелькнёт неясная тень — только-то и всего. И лишь следы на свежем снежке говорят о том, что глаз и ухо не обманули тебя.

Следы зверей можно снять только на рассвете, пока их не затоптали ещё ноги пешеходов, не закатали колёса машин. Вот посмотрите. Чей это след? Снял я его на аллее парка. Зверь не малый: длина следа четверть метра. Догадались? Правильно, лось, самый большой зверь наших лесов. Сейчас их много стало в окрестных лесах, и они нередко заходят на улицы города.

Рыщет у сараев и складов ловкий и дерзкий зверёк горностай. В город его привлекли мыши и крысы. В тех же местах можно встретить ласку или хорька.

А тут через сквер пробежала лисица. Лисий след в городе редкость. Может, собаки загнали её на окраину, а потом она заблудилась на улицах. Для зверей ведь город — что для нас с вами лес тёмный.

Бывает, убегают звери из зоопарка или из живых уголков. Тогда можно повстречать и совсем удивительные следы: волка, енота, песца. В большом парке можно встретить след белки, а то и зайца.

А однажды на окраине города увидел я отпечатки больших круглых лап рыси. След её очень похож на кошачий, только кошка-то эта с собаку! Голод пригнал её к жилью. Думала поживиться на задворках курицей, кошкой или маленькой собачонкой. Вот и петляла по огородам, вдоль заборов, от сарая к сараю.

Зима для зверей — нелёгкое время. Потому-то и ищут они у жилья укрытия или поживы. И как только опустится ночь, звери выходят на улицы города.

ТАНЕЦ «КОСАЧОК»

Танец «косачок» отплясывают косачи на току. В танце шесть главных фигур: «огляды», «вертуши», «подскоки с хлопушами», «подскоки с повертушами», «наскоки» и «побегуши».

Всё происходит так. Ещё в темноте слетаются на ток косачи. В темноте и петь начинают. Но общее оживление у них на восходе. Покажется красное солнце, и каждый осмотрится: кто тут ещё на току? Ага — на каждой кочке по косачу! А слева? А справа? А позади? Других посмотрим, себя покажем. Это и есть первая фигура танца — «огляды».

Теперь несколько быстрых шажков вперёд, и можно начинать «вертуши». Для этого надо склониться, вытянуть шею вперёд, а хвост развернуть в лиру. Надо топтаться на месте и медленно поворачиваться вокруг. Пусть противник оценит тебя со всех сторон и по всем статьям: в профиль — лихость крыла, в фас — крепость клюва, а с тыла — закрученность лиры. Чем лира закрученней и пышней, тем сильнее и старше косач. И надо, конечно, петь: песню за песней, песню за песней!

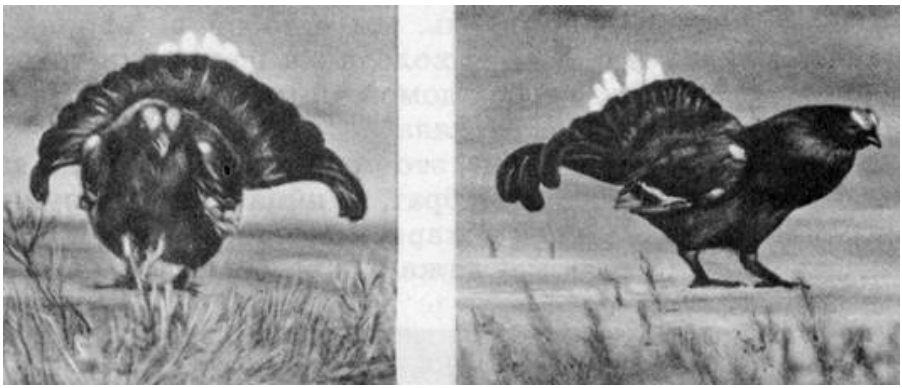
«Но кто их там разберёт, видят меня или не видят? Может, собрались одни недотёпы, сглупа ещё и не заметят! Чтоб все обратили внимание, исполню-ка я «подскок и хлопуши». Надо лихо подпрыгнуть вверх и громко прохлопать в крылья. Ещё раз, ещё! Ага, теперь все меня разглядели, все знают, что я тут и готов начать перепляс! Эй, сосед, — уж не вздумал ли ты меня передразнить? Я «вертуши», и ты «вертуши», я «подскок», и ты «подскок»! Что это всё значит? Чув-шиии!!

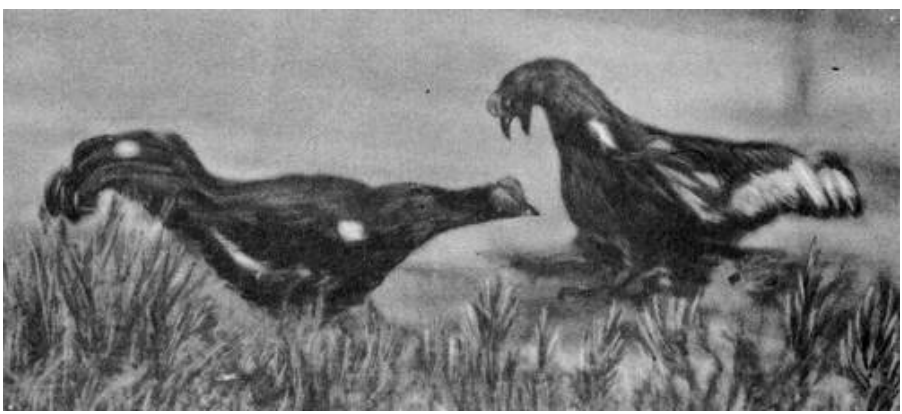
Исполню-ка я «побегуши», — может, это его охладит? Клюв вперёд, крылья чуть вниз, а хвост круто вверх. И быстрой перебежкой к нему. Ого — и у него «побегуши»! Тогда испытаем «подскок с повертушей». Подскок, переворот через плечо клювом к хвосту — и громкое злое «чув-шшиии!».

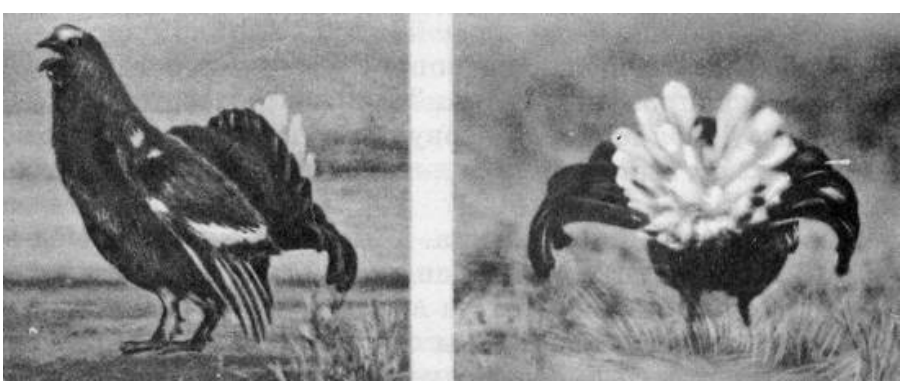
А сосед не боится! Собезьянничал и «подскок с повертушей», да ещё и нагло крикнул: «Чув-шии!» Ну, нахал, заслужил ты «наскока»! Теперь, краснобровый, держись! И вот «побегуша» и с ходу «наскок». Выпад и отскок — как у бойца с рапирой: вперёд и назад, назад и вперёд! Сшиблись, как петухи, как в чехарде, один через другого. Наскок и отскок, наскок и отскок. Ага, испугался и побежал!

Трус бежит спотыкаясь, подскакивая смешно и нелепо. Храбрец гонится сзади, только лапки мелькают, будто катит на велосипеде. Трус удрал, а храбрец на кочке исполняет танец победы. Тут и «огляды» и «побегуши», тут «вертуши» и разного

фасона «подскоки». Танцует, пока солнце не припечёт. А припечёт — пора и червячка заморить.





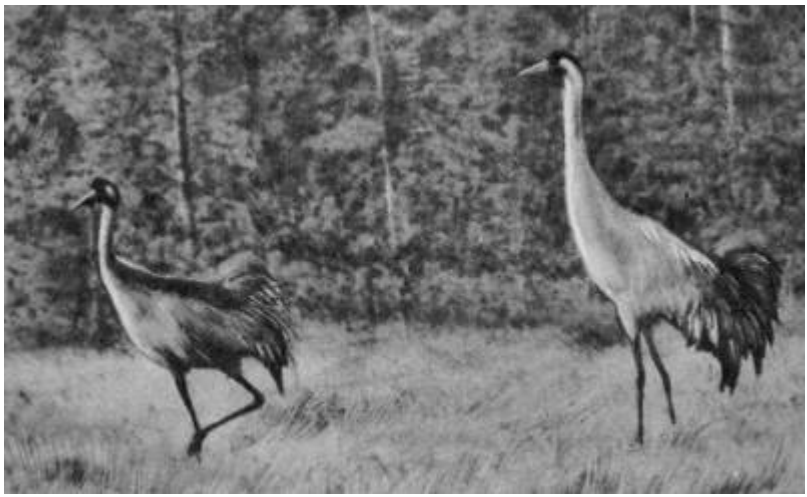


Журавль и Чибис

— Давно ли, брат Журавль, мы с тобой в Африке от жары изнывали? А сейчас от холода аж поджилки трясутся!

Поторопились мы с тобой домой, поторопились... На всё наше болото одна кочка оттаяла!

— Для тебя, братец Чибис, это просто одна кочка, а для меня она — единственная! Я, брат, из яйца на ней вылупился. Бывало, вспомню о ней в жаркой Африке — так и похолодею. А сейчас увидал — даже в жар бросило!



Сорока и Медведь

— Эй, Миша-Медведь, на вопрос ответь.

— Какой вопрос, стрекотуха?

— Почему тебя Медведем зовут? Глухаря — понятно: он весной глохнет, Зайца-беляка — понятно: он зимой белый, а вот Медведь не понятно!

— Хе-хе! Бестолковая птица. Мед-ведь — значит мёд ведающий. Знаю, стало быть, где мёд в лесу спрятан.

— А где, где он, мёд-то?!

— Так я тебе и сказал! Ты же всем разболтаешь сразу, — все вы в лесу тогда медведями станете.

***

Повстречались с Лесовичком на опушке, он мне и говорит:

— Ростом ты против меня эвон какой, только я тебе не завидую!

— Что так? — удивился я.

— А то, что вижу я вдвое больше тебя. Ты привык на всё свысока смотреть, с высоты своего роста. У тебя на всё одна точка зрения. У тебя точка, а у меня — кочка!

Лесовичок вскарабкался на кочку и огляделся.

— Во, вижу! — крикнул он.

— Чего видишь? — спросил я.

— Невиданное вижу. О-ё-ё-ё-ё-ёй! Хочешь посмотреть?

— Ещё бы! — воскликнул я.

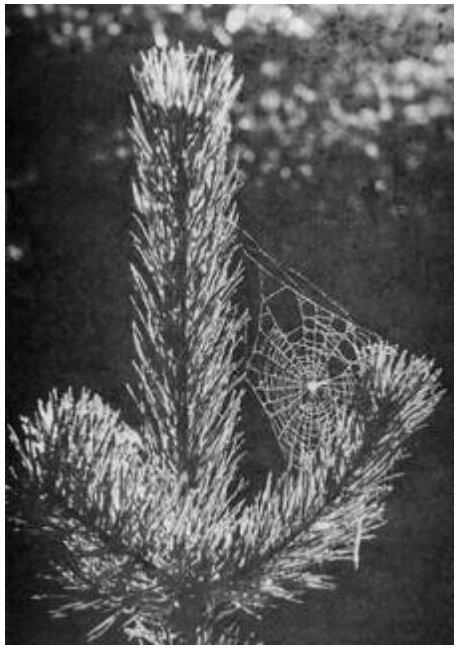
— Тогда скорей опускайся на четвереньки!

— Куда опускаться?

— На четвереньки, на четвереньки! А то глазеешь, как пожарник с вышки.

Я опустился на четвереньки: «О-ё-ё-ё-ёй! Действительно! Вот это да!»

— Что я тебе говорил? — подмигнул Лесовичок. — Кочка-то не хуже точки. Хочешь понять жизнь птиц — по воздуху полетай, покачайся на ветках. Хочешь понять насекомых — поползай на животе, а четвероногих — опустись на четвереньки. Да вот с их кочки-то о них и суди!



ЦВЕТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Страницы, исписанные вдоль и поперёк. Белые, серые, чёрные. Зелёные, жёлтые, голубые. Белые, как зимний снег; серые, как летняя пыль; чёрные, как весенняя грязь. Зелёные, как трава, жёлтые, как песок, голубые, как вода.

Страница за страницей, как сезон за сезоном.

Разные письмена, разные и писатели. Этот правой лапой написал, а тот — левой ногой. Носом пишут, крыльями и хвостом. О себе и о других: где был, что делал, за кем гонялся, от кого спасался? А ты шагай и читай.

БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ

Исписаны синим по белому. Пишутся чаще ночью, а читаются по утрам. Хочешь читать — не очки надевай на нос, а лыжи на ноги. Да по строчке бегом.

Тянется, тянется строчка, и вдруг норка — точка. Сорока хвостом поставила знак восклицательный. Мышь многоточие настрочила. Воробей двоеточия наскакал. Всё читается без запинки.

Следы рыси.

СЕРЫЕ СТРАНИЦЫ

Страницы пухлые, рыхлые — словно пыль. Чуть ветерок — всё сотрёт, как резинкой. Читаешь их чуть дыша.

Следы водяной полёвки.

ЧЁРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Трудно читать: написано чёрным по чёрному. Строчки размыты, слова неразборчивы. Записи — как телеграммы. «Перебежал дорогу барсук». «Вальдшнеп тыкал клюв в грязь». Вот совсем короткая запись: несколько точек и бороздок. А перевод у записи длинный: «Прилетел в эту лужу ночью плавунец из реки, охотился на бабочек, упавших в воду».

Следы барсука.

ЗЕЛЁНЫЕ СТРАНИЦЫ

Записи самые неразборчивые: тут пригнуто, там примято. Не

успеешь и полслова прочесть, как распрямятся стебельки и травинки, глядь — а от следа не осталось и следа!

ЖЁЛТЫЕ СТРАНИЦЫ

Страницы рассыпчаты, как песок. И все записи на них немножко преувеличены. Дрозд за сойку себя выдаёт, горностай — за курицу, белка — за зайчика. Почерк у каждого чуть неразборчивый.

Следы выдры.

ГОЛУБЫЕ СТРАНИЦЫ

«Писано вилами по воде». А всё же следы и на воде остаются! Пузыри, где хвостом ударила рыба. Муть над норкой бобра. Утиные дорожки в ряске. Но уж больно зыбкие это страницы: не успевают конец строки дописать, как начало уже расплылось!

Белка и Бобр

— До чего тут место худое: ни тебе ёлок, ни тебе сосен со сладкими шишками — одна горькая осина вокруг!

— До чего ж миленькое тут местечко: ни тебе сосен смолючих, ни тебе ёлок колючих! Одни сладенькие осинки.

Мухоловка и Заяц

— Чего, Заинька, приплясываешь, чего, серенький, ушами потряхиваешь?

— С горя, Мухоловочка, с горя! Комары после дождя вылетели — ни попить, ни поесть. А ты чего подлётываешь, чего крылышками взмахиваешь?

— От радости, Заинька, от радости! Комары после дождя вылетели — самое времечко попить да поесть!

Лиса и Медведица

— Дочка моя Лисонька вся в меня: лапки точёные, глазки раскосые, шёрстка шёлковая!

— А мой сынок Мишка, наверное, весь в отца: губы отвислые, глазки подслеповатые, лапы кривые. И вся шкура в репейниках!

Стреляный Воробей и Синица

— Угадай, Синица, какое у людей самое страшное оружие?

— Ружьё?

— Э-э, не угадала!

— Пушка!

— Э-э, не угадала?

— Какое же, Воробей?

— Рогатка. Из пушки-то по воробьям не станут палить, а из рогатки — только успевай отскакивай! Уж я-то знаю, я стреляный Воробей.

В КОНЦЕ ТАИНСТВЕННОГО СЛЕДА...

Сверху озерко с песчаным пляжем казалось голубым блюдечком с золотой каёмочкой. Не бороздили воду рыбачьи лодки и не топтали песок грубые рыбачьи сапоги. Безлюдно вокруг. А там, где безлюдно, там всегда многоптично и многозверно.

Я приходил к озерку смотреть звериные росписи на песке. Кто был, что делал, куда ушёл? Вот лиса воду лакала, ножки намочила. Зайчишка на плюшевых лапках проковылял. А вот след со звериными когтями и утиными перепонками — это выдра из воды вылезала.

Знакомые следы знакомых зверей.

И вдруг следок незнакомый! Бороздки и двоеточия: то ли зверёк, то ли птица, то ли ещё кто? Пересёк след песок и исчез в кустах.

Вот ещё непонятный след — бороздка протянулась из кустов и пропала в траве.

Следы, следы: незнакомые следы незнакомых жителей берега.

Кто там, в конце этих бороздок, двоеточий, чёрточек? Скачет он, ползёт или бежит? Чем покрыто его тело — перьями, шерстью или чешуёй?

Ничего неизвестно.

И потому интересно. Потому я и люблю приходить на безлюдный бережок озера, похожего на голубое блюдечко с золотистой каёмочкой.

Вот кто оказался в конце следа-бороздки.

Грач и Жук

— Ну, Жук, прощайся с белым светом — сейчас я тебя проглочу. Как хоть звать-то тебя, бедолагу?

— Могильщиком меня, Грач, зовут. Жук-могильщик я.

— Фу, гадость какая! Хорошо, что хоть спросил, а то бы от одного названия подавился!

Синица и Воробей

— Чего это ты, Воробей, раззадавался, чего это ты расчирикался? Все хорошие певцы помалкивают ещё, а тебя прорвало — орёшь и подскакиваешь!

— Эх, Синица, мне-то с моим голосом только и петь, пока другие молчат! На безрыбье и рак рыба, на бесптичье и воробей соловей! Чик-чирик!

***

— Лес для тебя, Лесовичок, дом родной. А вот в воду ты смотреть любишь?

— Ну её, глубину-то! Боюсь я...

— А я там был. Хочешь, тебе расскажу?

— Уж потом как-нибудь. Чего-то мне жутко...

— Нет уж, брат! Ты вон сколько про лес наговорил. Теперь моя очередь.

ГОЛУБОЕ ПЯТНО

Что вокруг озера — видно, а что внутри — нет. Смотришь в воду, а видишь облака, деревья, пролетающих птиц. Видишь то, чего там нет, а что есть — не видишь. Пока не опустишься в глубину. А там, в глубине, всё совсем не так, как на берегу. Наверху, по берегам, растут привычные кусты, а внизу, под водой, вон какие кусты — подводные.

В подводных кустах живут не птицы, а рыбы. Окуни присаживаются на коряги: животом вдоль сучка, как птицы-козодои.

Наверху, по берегу, бродят звери, а внизу, по дну, никто не ходит. Разве что рак проползёт.

Наверху листья кувшинок широкие, как ладошки, а под водой они свёрнуты в зелёные кульки. Растут на дне губки-бодяги, — таких никогда не увидишь на земле.

А вот голубую стрекозу-лютку, ту, что всегда кружится у воды, можно встретить и под водой. Там она несёт яйца.

Сверху в воде отражаются облака и деревья, а снизу, в подводном небе, отражаются рыбы, если поднимутся к самой поверхности. Как в зеркале отражаются, если, конечно, зеркало это гладкое и не изломано ветром.

Опускаясь под воду, всё оставь на берегу: одежду, оружие, даже свои земные привычки. Но захвати свою любознательность и терпение. Они нужны везде. Без них — как без рук и глаз. Без них весь мир был бы до сих пор сплошным белым пятном.

ПОДВОДНЫЕ ГЛАЗА

Охотник у всех на глазах. Идёт по лесу — следят за ним лесные глаза, идёт по полю — следят полевые. И все: и жители леса, и обитатели поля — видят в нём врага. Привыкли, что приходит он к ним только затем, чтобы убить или поймать. И рады бы не бояться, да шкура дорога, своё перо ближе к телу.

Но под воду охотник пришёл недавно, для подводных жителей он ещё в диковинку. Они к нему ещё только присматриваются.

Помню, первый раз я плыл под водой.

Лягушка, которая только что в ужасе плюхнулась в воду от меня надводного, спокойно сидела на дне и бесстрашно глазела на меня подводного. Под водой ведь охотник совсем не тот: не топает, движется осторожно. Вдруг он под водой стал добрей и свою привычку убивать вместе с одеждой оставил на берегу?

Среди мутных водорослей заметил я блестящий зелёный глаз. За мной пристально следила щука. Я проплыл, а она равнодушно... зевнула!

Замелькали искорки — красные глаза плотвиц. Полосатые окуни смотрели во все свои золотые глаза. Из-под коряги высунулся мутно-пятнистый налим. Он тоже первый раз видел человека и не знал, бояться его или нет.

Пугливый рак выпятил глаза на стебельках и стал ими водить из стороны в сторону. Ущипнуть или спрятаться?

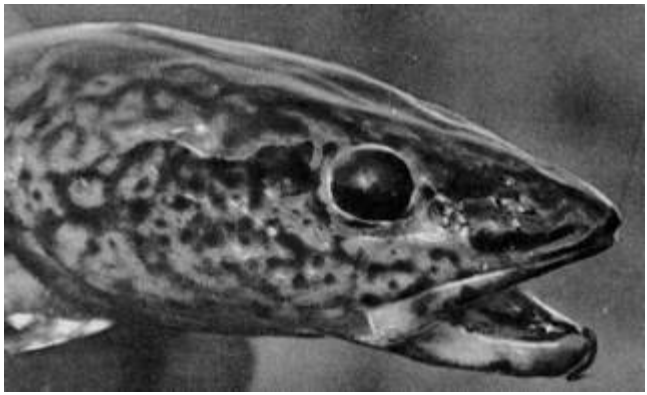
И даже маленький тритон повернул ко мне свою маленькую головку: кто это тут пузыри пускает?

Все на меня смотрели и, наверное, соображали: остаться или удрать? Решили остаться. И даже позволили себя сфотографировать.

Недавно я опять побывал в лесном озерке. Рыбы ошалело шарахнулись в глубину, лягушки зарылись в ил, а раки и налимы забились под корягу. Кто-то уже успел побывать тут с подводным ружьём. Кто-то уже принёс сюда на остроге страх...

Вот и подводные жители научились бояться охотника. Как лесные и полевые. Как степные и горные.

Узнали и они, что такое «ни плавничка, ни чешуйки»!



ВАЖНЫЙ ЗВЕРЬ

Омут чёрный, дна не видно, берег круто спускается в глубину. И весь он какой-то бурый, мохнатый — как войлок. И тоже тёмный.

И только в одном месте цепочка ярко-жёлтых пятен — как освещённые иллюминаторы на борту парохода. Тут кто-то живёт!

Жёлтые пятна — это кучки песка.

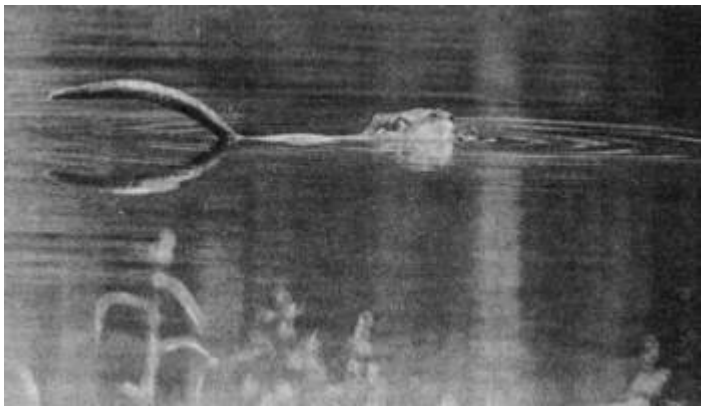
Над ними темнеют норы. Вот из золотой норы вываливается серебряный зверь — как воздушный пузырь, как ком живой ртути!

У зверя тупая мордочка морской свинки, голый хвост крысы и чёрные утиные лапки.

Плывёт он вразвалку и вперевалку — как ленивый байбак. Это ондатра.

На берегу у неё столовая — груды раковин-беззубок, похожих на осколки битых тарелок из перламутра.

Вот какой важный зверь: сам серебряный, нора золотая, посуда — перламутровая!



ЛИНЬ

Пескарь по песчаному дну ползает. Голавль — головастый. Краснопёрка — с красными плавничками-пёрышками. Ну, а вьюн — и взаправду вьюн.

И всем понятно, почему их так называют.

А вот почему линь — линь?

Верховка — понятно, колюшка — ясно, усач — проще простого. А что такое линь?

Но не зря говорят, что лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Как увидел линя, всё сразу понял. Постучал он по земле жирным хвостом и прямо на глазах стал... линять!

Был в воде как из бронзы литой, стал на берегу как мокрая промокашка. Весь в подтёках и пятнах. Слизь на нём затвердела, зашелушилась, стала лохмотьями отпадать.

Облез линь. Полинял линь. Потому он и линь!

ПУСТОТА

Среди водорослевых гущ рои рыбьих мальков. Там, где в воде от берега тень, а мальков освещает солнце, они светятся.

Сквозь сияющее мальковое облачко солидно и не спеша проплывает окунь. Мальки почтительно расступаются. Так, наверное, самолёт пролетает сквозь стаю удивлённых ласточек.

Окунь вошёл в рой, и вокруг него мгновенно возникла пустота. Это особая пустота: пустота хищника, пустота страха. Даже окружённый множеством живых существ, хищник всегда висит в пустоте. Она обволакивает его со всех сторон, она движется вместе с ним, она неотступна, как тень.

Окунь идёт, а мальки раздвигаются перед ним и смыкаются позади. Поворачивает окунь — поворачивается пустота. Невидимая сила расталкивает рыбёшек и держит их за какой-то невидимой, но ощутимой чертой.

Прошёл окунь сквозь частый рой, а никого не задел. Перед ним расступились, его пропустили и занялись своим делом, будто ничего не случилось! Будто и не было тут никакого окуня. Опять все беспечно толкутся у солнечного луча, как снежинки вокруг фонаря.

ГОСТИ ПОДВОДНОЙ ПОЛЯНЫ

Если развесить зимой на ветках кисти рябины, слетятся птицы. Если насыпать весной на землю крошек, сбегутся мыши. А что, если опустить прикормку на дно?

В жаркий летний день нашёл я в подводном лесу чистую полянку и набросал на неё хлебных крошек, сухой каши, червяков и личинок. А сам надел резиновый костюм, лёг на воду, ухватился за пучок тростника, чтоб волны не сносили, и стал ждать. Кто-то пожалует в гости?

Первыми примчались плотвицы. Гуртом налетели на всплывшую корку и, поддавая её носами, угнали за траву.

Потом приплыл плавунец. Загребал ногами-вёслами и переваливался с боку на бок, как неуклюжая водяная черепаха. Схватил обрывок червяка и уволок в темноту.

А я всё ждал и покачивался над поляной, как огромный резиновый дирижабль.

Приплыли два окуня, ощетинились дикобразами, уткнулись носами в дно. Вытянули белые губы — вот-вот свистнут! «Дунули» в угощение — так и завихрилась муть. Всосали всплывших личинок и помахали мне хвостиками.

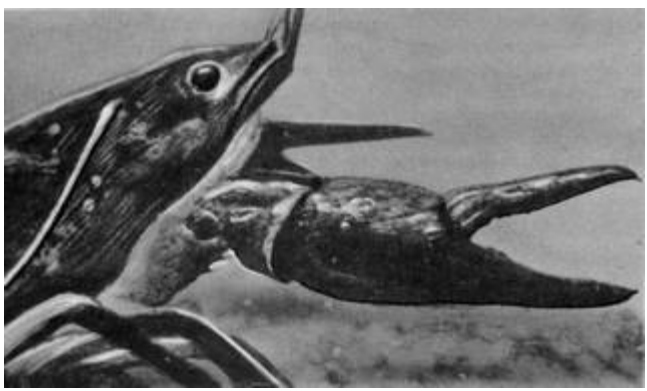
И тут я заметил щурёнка. Даже не знаю, откуда он появился. Стоит неподвижно, глаза выпучил — как зелёная ящерица. Но вдруг плавнички его затрепетали, он пошевелился и... повис вниз головой. Нацелился, как стрела!

Ну да, нацелился: на дне извивался червяк. Щурёнок стрельнул в него, вцепился и затряс червя, как собака крысу. Потом с трудом проглотил. Живот у него раздулся. И он беспомощно опустился раздутым животом на песок.

Рыбий кормовой столик действовал не хуже птичьего. Дождался бы я и новых гостей, да невозможно замёрз. Так замёрз, что вокруг меня заплясала рябь. Очень жалею: мало ли кто ещё мог в гости прийти! Озеро не малое — что в ширину, что в глубину. Много в нём разных жильцов.

НАСЕДКА

Я лежу на воде, держусь рукой за тростинку. Подо мной песчаная полянка подводная. На краю её, у самых тростников, лежит на боку утонувшее ведро. Из ведра выполз рак, стал водить усами, стал водить глазами и щупать песок клешнями. А из-под хвоста рачьего поползли крохотные — с муравья! — рачата. Они тоже деловито шевелили усами, щупали песок клешнями и выпячивали глаза. И так это было смешно, что я фыркнул в трубку. Что тут случилось! Рачата наперегонки кинулись под широкий материнский хвост, как перепуганные цыплята под растопыренные крылья клухи. Рачиха-наседка, собрав под собой всё своё драгоценное семейство, ловко юркнула под ржавое ведро. И больше из него не показалась.



***

— Насиделись мы с тобой, Лесовичок, под ШАПКОЮ-НЕВИДИМКОЙ, насмотрелись в лесу всякой всячины.

— Уж насмотрелись так насмотрелись!

— И под водой побывали даже.

— Ну, в воду-то ты меня заманил. Сам бы я туда ни ногой. Что мне, лесовику, под водой-то делать?

— Не век же тебе всё в лесу да в лесу! И горы посмотреть надо бы, и пустыни. Да и леса на земле разные. Слыхал про леса розовые?

— Рассказывай...

— И расскажу! Сидел я под ШАПКОЙ в горах, пустынях и в лесах необыкновенных. На всякое насмотрелся...

ЛЕС РОЗОВО-СЕРЕБРИСТЫЙ

Для нас северян, привычны леса зелёные. Тёмно-зелёные — хвойные и светло-зелёные — лиственные. А этот южный лес был розово-серебристый, ни на что привычное не похожий.

Седые раскидистые деревья кажутся заиндевелыми, покрытыми пушистым инеем. Под ними — нежно-розовые кусты. Они похожи на копны розоватого пуха. Кажется, дунь — и всё улетит!

А какая опушка у этого леса! Понизу розовая полоса, над ней полоса седая. И над всем этим розово-сизым яркое синее небо.

Седые деревья — это деревья джиды. Или, как их ещё называют, деревья серебристого лоха. Они похожи на нашу плакучую иву: ветви обвисли густыми прядями, листья длинные, узкие, серебристые.

На ветках жёлтенькие цветочки. Их очень много, но они крошечные, почти незаметные. Зато запах их слышен издали. Запах у них особый: если хоть раз вдохнул, никогда уже не забудешь. Вспомнишь серебряный лес — и сразу ощутишь этот запах.

Кусты, похожие на копны розоватого пуха, — это кусты тамариска. Розовые с ног и до головы: от стволиков до кончиков веток. Сравнивайте с чем хотите: с розовым инеем, с розовым пухом, с розовой пеной из розовых пузырьков. Пчёлы гудят в нагретых ветвях, варят розовое варенье.

У невиданного леса и название неслыханное — тугай. Не бор, не тайга, не дубрава, не роща, а таинственное — тугай.

Тугай пропитался красками юга. Яркие бабочки, яркие птицы и травы. На солнечные тропинки из тенистых зарослей по утрам выходят фазаны. Перо их багрово вспыхивает и переливается. Это живые жар-птицы! Когда они взлетают, кажется, вспыхивает фейерверк!

На серых сухих сучках любят сидеть щурки. Птички совершенно тропического облика и окраски. Лазоревые грудки, жёлтые горлышки, золотистые спинки. И красные — как рубины! — глаза. Когда они проносятся над кустами розовых тамарисков, в глазах рябит.

Голубые сизоворонки кричат резкими трескучими голосами. Овсянки, похожие на канареек, поют старательно, задирая клювики в небо. Порхают удоды, похожие на пёстрых огромных бабочек. И воробьи тут не обыкновенные, а испанские: очень яркие, очень пёстрые, страшно горластые.

Вечера в тугаях тихие, насторожённые. Вдруг отчаянно

закричит фазан и захлопает быстрыми крыльями. Значит, лиса или дикий кот спугнули его с земли.

Услышишь сердитый звериный рёв. Рёв никого не пугает: ревёт косуля. У этого безобиднейшего существа почему-то очень страшный голос.

Шелест тростников, дробный топот: на поляну выбежали кабаны.

Звонко и сильно свистит соловей.

Жёлтая луна показалась за корявыми, изогнутыми стволами. Ночь. Пахнет цветущей джидой. Незабываемый запах. Незабываемый уголок нашей земли.

ПЫЛЬНЫЕ ЗАЙЦЫ

Пробились сквозь тугай белые, запудренные пылью дорожки. Все они тенями разрисованы и следами расписаны. Тут вот удод-кривоножка насеменил, длинным носом дырок наковырял. Там фазан пробежал — настрочил свой куриный след. Вот чёткие сердечки от копыт пугливой косули. Зайчик-толайчик наставил восклицательных знаков. А вот он и сам навстречу катит.

Меня увидел, рванулся назад, а пыль с него — столбом! По дороге помчался, а со спины пыль — волной. От лап до ушей в пыли — ну и неряха!

Каждое утро встречал я таких пыльных зайцев. Встречу и удивляюсь: где это он так извозился? Хоть на сучок его вешай и палкой пыль выколачивай.

Оказалось, что зайцы — прямо как курицы! — «порхаются» в пыли. Как-то иду и вижу: заяц в пыли валяется и ногами длинными дрыгает. На одном боку поёрзал, на второй перевалился. На втором поёрзал — спиной о дорогу чесаться стал. Накатался, наёрзался, надрыгался — да как встряхнётся. Пыль клубами пошла, будто гриб-пыхтун лопнул! По дороге помчал — словно смерчик пыльевой завихрился.

Каждое утро из сырых тугаев выходят на сухие дорожки зайцы. Ложатся мокрыми животами на тёплую пыль. А шкурка линяет, начинает чесаться. Вот заяц и дрыгается. И до того выкатается в пыли, что даже лисицы, глядя на него, плюются...

Соловей и Лягушка

Журчал в кустах ручеёк. Жила в ручье лягушка. А в кустах — соловей.

Только солнце садилось на лес — лягушка и соловей начинали петь. Лягушка урчала и квакала, а соловей щёлкал и свистел.

Конечно, соловей не лягушка. Ему, наверное, было противно слышать её, поэтому он свистел и щёлкал всё громче и громче.

Но и лягушка не соловей: она, наверное, боялась, что её из-за свиста не слышно, и тоже всё громче квакала и урчала.

До того раззадорятся — гул и стон!

Соловей раскат за раскатом — только листики вздрагивают.

Лягушка надрывается — даже рябь по воде.

А ты стоишь и слушаешь, хоть и грызут тебя комары.

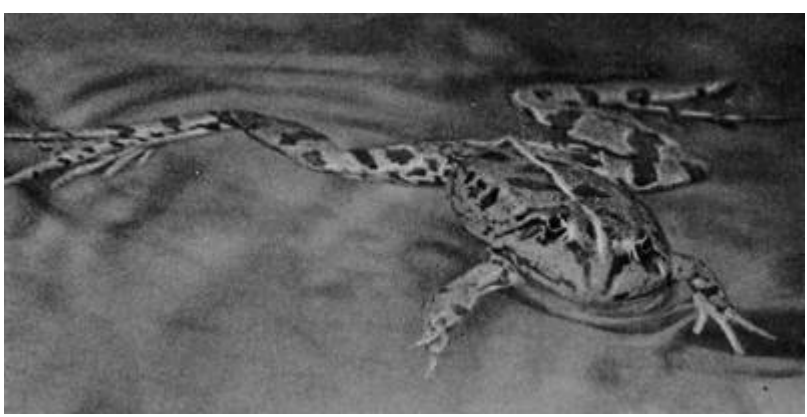
Все на лягушку сердились: не даёт соловья толком послушать! И в ладоши хлопали, и камни в ручей бросали. А ей хоть бы что.

Но вдруг она сама замолчала. Наверное, её уж сожрал. Толстенный пятнистый уж жил в этом ручье.

Все очень обрадовались: вот теперь-то мы послушаем голосистого соловья!

Вечер за вечером опускается на тугай, и тишь и покой, а соловей всё никак не распоётся. Посвистит, пощёлкает — и умолкнет. И всё как-то вполсилы, лениво и нехотя. И как-то небрежно, с помарками, кое-как. Ни листик от свиста не дрогнет, ни сердце.

Наверное, спорить ему стало не с кем — он и размяк. Худо стал петь: дрябло, сонно и вяло. Хоть лягушку в ручей подбрасывай!



ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

В гнезде у фазанки появились фазанята. Было десять яиц, стало десять цыплят. Пушистых, как одуванчики. И у каждого одуванчика клювик и ножки. Клювиками одуванчики начали что-то клевать, а на ножках бегать.

Скоро отросли у фазанят крылышки, начали они порхать и стали «поршками». По вечерам они вспархивали вслед за фазанкой на дерево — повыше от лисьих зубов. Так и сидели всю ночь на сучке рядком — как бусы с хвостиками. Я каждый вечер подтаивался к этим живым бусам, чтобы только посмотреть на них.

Но однажды вижу: фазанята уселись рядком на сучке, а фазанка ещё внизу. Волнуется, квохчет — зовёт фазанят вниз.

— Внизу же лисы! — испугался я.

Но фазанята послушно спорхнули вниз. Фазанка сразу увела их в колючие кусты.

И только они там притихли, как заметались по небу жёлтые зарницы, загремел гром и тяжёлые капли-картечины ударили по листьям.

Вот бы досталось фазанятам, если бы фазанка вовремя не увела их в кусты! А в кустах им сейчас тепло и сухо. Да и лисы не страшны — они тоже от ливня попрятались.

Фазанка с поршками сухие, а я прибежал домой мокрый. Но зато теперь уж знал: если с вечера фазаны на сучке бусами — сухая и тихая будет ночь. А если в кустах — быть дождю и ветру!

ПУСТЫНЯ ДНЁМ...

Пустыня — это жёлтое и голубое.

Голубое вверху — небо. А жёлтое вокруг — впереди, позади, справа и слева. Сколько видит глаз и ещё дальше, за горизонтом. Земля, опалённая солнцем...

Окаменевшая звенящая глина, растрескавшаяся, как паркет, — это такыры. Топкие хлюпи-болота, засыпанные белой солью, — солончаки. Сугробы песка, разрисованного ветровой рябью, — барханы. И жара...

Скалы, почерневшие от загара. Камни, лопнувшие от жары. Раскалённый песок, который жжёт сквозь подошвы.

В пустыне всё непривычно и непонятно.

Озёрные впадины без воды. Реки, которые никуда не впадают. Проливные дожди, которые высыхают, не долетая до земли. Деревья, под которыми нету тени. Родники, вода которых не утоляет, а разжигает жажду. Даже хорошей погодой тут называют не солнечную и сухую, а пасмурную и дождливую. Даже зонт защищает тут не от дождя, а от солнца.

Идёшь, и тень твоя испуганно путается в ногах. Будто топчешь большую чёрную птицу. И шустрые струйки песка засыпают позади твой след...

...И ПУСТЫНЯ НОЧЬЮ

На горячие барханы опустилась прохладная ночь. Чёрная земля и небо цвета призрачной глубины океана. И тишина такая, какая бывает, наверное, только на океанском дне.

Но вдруг крик громкий, тоскливый и жутковатый слышится совсем рядом. Голос унылый, протяжный, какой-то пустынный. Он так и манит к себе.

Беру в руки фонарь и шагаю на крик. Крик опять летит над чёрной пустыней, но уже чуть подальше. Я иду и иду, а голос, не удаляясь и не приближаясь, звучит впереди. И всё манит и манит в ночную пустыню, подальше от дорог, от костра, от людей.

Я один среди ночи и тишины. Под ногами похрустывает щебень. А таинственный голос всё зовёт и зовёт...

Это авдотка — странный пустынный кулик с большими золотыми глазами. За такие глаза называют его глазуном. Весь день он лежит неподвижно, сливаясь с песком и соринками. И только два глаза, как два янтаря, поблёскивают на песке. За

привычку лежать называют авдотку ещё и лежнем.

А спустится ночь — авдотка просыпается, начинает бегать, летать и кричать. И голос её, таинственный и унылый, тревожит пустынную ночь.

Небо в россыпи ярких звёзд. Я включаю фонарь — и на земле звёзды!

Вот зелёные изумруды, — это глаза пауков-тарантулов. Не пожалела природа на тарантула глаз! Спереди два — как фары, под ними четыре — подфарники, ещё сверху два — надфарники.

А вот звёзды красные, как рубины. Это глаза ящерицы-геккона. Стоит он на тоненьких ножках и виляет хвостиком, как собачка. Чешуйки на нём крупные, как на рыбке. А хвостик покачивается и что-то шепчет-шепчет, — это чешуйки хвоста трутся друг о друга. Геккончик испуганно смотрит и удивлённо протирает глаза свои красные... языком!

Под кустом два тускло-розовых глаза. Там заяц-песчаник лежит. Вот глаза приподнялись и покатили, подскакивая, как по ступенькам.

Как два летучих светляка плывут над кустами глаза голубые. Голубые с зелёным огнём. Это идут джейраны.

А вот неверные, разноцветные: то красноватые, то вдруг зелёные. Там хищный барханный кот. Посветил глазами, поиграл красками и вдруг погасил их, как выключил. Значит, пригнулся и неслышно уполз.

Я тоже выключаю фонарь, и сразу же гаснут земные звёзды. Зато звёзды над головой становятся ярче. Щебень сухо похрустывает под ногой. Авдотка всё зовёт и зовёт, а я всё иду и иду...

СИНЯЯ БОРОДА

Он сидел на груде почерневших от пустынного загара камней. Сидел неподвижно, поджав кривые ножки и опершись на тонкие ручки. Сидел и смотрел на меня.

За всю мою жизнь никто не смотрел на меня с таким презрением, как этот чешуйчатый уродец с пятнистыми губами! Мне даже не по себе стало — и я шагнул вправо. Уродец не пошевелился. Я шагнул влево — даже и не моргнул. Я зашёл сзади — он не повернулся. Я опять подошёл спереди. Уродец всё так же презрительно смотрел вперёд. Теперь уже мимо меня. Прямо перед собой. На весь мир.

Громоздились на небе горы из облаков. Блестели на горизонте миражи-озёра. Над землёй пронеслись стремительные птицы — саджи. По земле, как видения, промчались джейраны.

Мои глаза разбегались. Он же смотрел в одну точку. Он был невозмутим. Он смотрел вдаль. Он презирал суету.

И вдруг весь он преобразился. Быстро приподнялся на лапках. Хвост закрутил спиралью. Сверкнули глаза под отёкшими веками. На горле отвисла чешуйчатая борода. Большая синяя борода клином.

Наконец-то в этом мире нашлось что-то достойное его внимания! Даже белое брюхо его посинело, так он разволновался.

Я старательно смотрел по сторонам. Облака растаяли в небе. Потухли миражи-озёра. Давно унеслись саджи. И ускакали джейраны. Зато появилась... муха! Метнулась агама к мухе и проглотила, выгибая шею. Белым языком облизала пятнистые губы.

И снова живот у неё стал белым. И синяя борода исчезла. Опять равнодушие и презрение — к земле, к небу, к солнцу. Но только не к мухам...

ПОЮЩИЙ БАРХАН

Мы молча вглядывались в горизонт.

Солнце пекло, как сквозь увеличительное стекло. От резкого блеска слезились глаза. Сухие и колючие, как песок, пустынные мухи-слезоедки, вечно изнывающие от жажды, лезли в лицо и жадно пили наши слёзы и пот. Мы щурили и щурили глаза: слишком много неба и света было вокруг.

На самом краешке горизонта две плоские лиловые горы — как две спящие черепахи. Между ними что-то светится. Там таинственный поющий бархан похожий издали на огромную египетскую пирамиду. Целая гора сыпучего золотого песка!

Два ветра, сшибаясь у лиловых гор, навеяли за тысячи лет этот жёлтый бархан. Вершина его, как вулкан, курится в синее небо. А у подножия, похожие на сизые облака, гнутся по ветру кусты белого саксаула.

Поднимаемся медленно, шаг за шагом, по острому песчаному гребню. И кажется, что идём мы по узкому коньку крыши: вправо и влево скат. С шорохом ползёт из-под ног песок, ветер целыми пригоршнями швыряет его в глаза.

Больше всего сейчас хочется пить.

В радужных пятнах перед глазами блестят стеклянные фляги, полные кристальной воды. Сизые грани их запотели от холода и выскальзывают из шершавых ладоней. Стынут на горлышке горячие губы, и ледяная вода вливается в тело...

Но только ветер засвистывает в ушах да на зубах поскрипывает песок. И жёлтые космы песчаной позёмки, как растопыренные пальцы огромных ладоней, полируют, гладят и трут скаты горы, кидают к вершине тучи песка, и вершина курится, как вулкан.

И вдруг гора охнула и задрожала! Где-то внутри неё зародился гул; он рвётся наружу, он приближается и растёт. Вот он вырвался и навис над равниной, оглушительный, тревожный и непонятный!

Мы прыгаем с гребня на скат и катимся вниз. Под ногами взбухают жёлтые песчаные волны. Справа и слева несутся лавины песка. Гора ревёт и трясётся. Всем телом чувствуем эту яростную дрожь: гора бьётся, как в лихорадке.

Несётся ревущий песок, гудит и трясётся гора. Поющий бархан поёт. Мы катимся вниз обалдевшие и оглушённые.

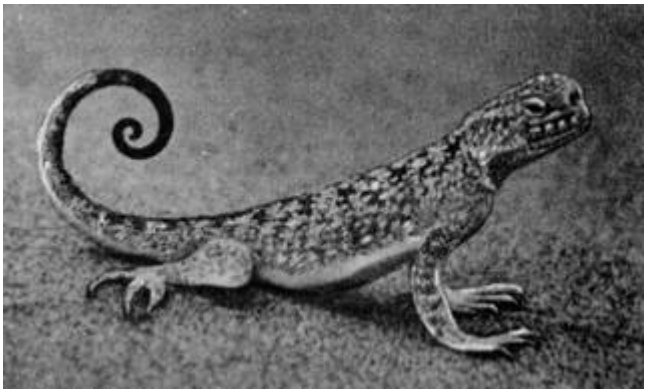
И вдруг тишина. Гора умолкла так же внезапно, как и запела. Поднимаемся на ноги и вытряхиваем песок из волос и ушей, пригоршнями выгребаем его из карманов и «выливаем» из

ботинок и сумок. Мы очень довольны. Нам здорово повезло: мы слышали голос духов горы...

Совсем недавно ещё рёв горы вызывал суеверный страх. Сейчас уже все понимают, что это не «голос пустыни» и это не «духи горы». Но загадка поющего песка не разгадана до конца до сих пор. Много высказано догадок и предположений, но твёрдой разгадки нет.

Снова идём по пустыне, топчем ногами свою же тень. По пустыне струится знойное марево. Прямые стволики саксаула извиваются в нём, будто отражённые в неспокойной воде. Далёкие впадины под горами наливаются светлой водой. А голубые вершины гор вдруг отрываются от хребтов и повисают в воздухе, как облака.

Всё ослепительно и неверно. Снова солнце режет глаза. А юркие струйки песка засыпают наши следы.



САКСАУЛОВЫЙ ЛЕС

Во всяких лесах бывал: в сосновых, еловых, берёзовых. В лиственных, хвойных, смешанных. Но впервые вхожу в лес пустыни — саксауловый...

Деревца похожи на раскидистые кусты. Стволы жёлто-пятнистые, как старые кости. Иные кручены-перекручены, словно окаменевшие удавы.

Под каждым деревом голое глинистое пятно в норках-дырках. Между деревьями реденькая травка — осочка.

Для глаза всё непривычно. Лес не зелёный, а какой-то оливково-серый. Тень под деревьями полупрозрачная, ненадёжная. Да и как же ей быть надёжной, если на саксаулах никогда не бывает... листьев! Вместо листьев зелёные веточки. Лес без шороха листьев.

Я вслушиваюсь в звуки леса. Саксаулы шумят как наши сосны: ветер в них глухо шипит. Но прохлады от ветра нет: под саксаулами жарче, чем на барханах.

С сухим треском перелетают с дерева на дерево саранчуки — большие, как птички. Прицепятся цапучими лапками и долго возятся в оливковых веточках, похожих на свисающие хвощи.

Знакомый голосок — синица поёт! Синица-то синица, да не наша желтогрудая, а пустынная — серая.

Знакомый стукоток — дятел стучит! Дятел-то дятел, да тоже не наш пёстрый, а белокрылый — пустынный.

Знакомый топоток — заяц поскакал! Тоже не русак, не беляк, а заяц-песчаник.

Змея тут живёт — эфа, дикий кот — каракал, ящерица — варан. Незнакомый лес, незнакомые птицы, незнакомые звери.

Я сижу на странном извивающемся стволе саксаула. Странно шумит на ветру странный лес. Лес без прохлады, без тени, без листьев.

НАХАЛЬНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

Только поставили палатку, а в ней уже непрошеные жильцы. Днём залетела большущая серая саранча. Её схватили, хотели выкинуть, а она шипами на задних лапах порезала пальцы до крови. Вечером пришёл палочник. Насекомое странное, необычное, неуклюжее — похожее на карандаш с паучьими ножками. Отложил этот шагающий карандаш жёлтые яички на спальный мешок и невозмутимо пошагал к выходу, покачиваясь, как на рессорах.

В видоискателе фотоаппарата поселился крохотный паучок и уже сплёл паутинку. А на объектив какой-то насекомыш прилепил кругленькие яички.

На рубахе, которая сохла, появилось два белых шелковистых кокона. Под консервной банкой собрались маленькие — с муравья — богомолы.

Ночью, трепеща крылышками, бегала по палатке мохнатая ночная бабочка. Утром под надувной подушкой нашли большую волосатую гусеницу.

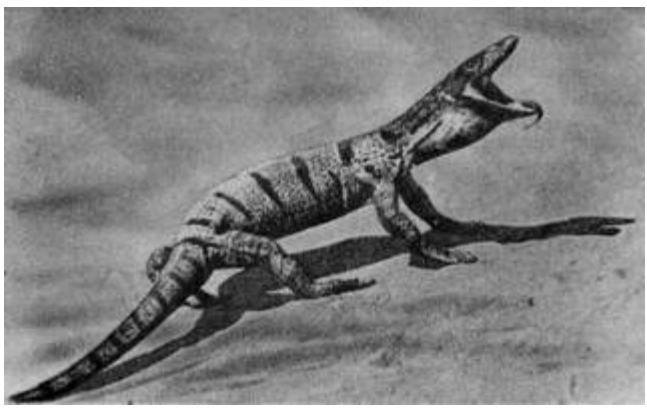
В ведёрко резиновое заползла фаланга, а под стельку кеда — клешнятый скорпион. Бойкие наши жильцы без спроса обживают палатку. Того и гляди, хозяев из неё выживут!

ВАРАН СОБИРАЕТ ДАНЬ

След варана тянется через барханы от одного городка песчанок к другому. Песчаный крокодил собирает дань. Стоит ему появиться и сунуть морду в крайнюю нору, как под землёй начинается переполох. Топот, возня: тревога, тревога! Песчанки выскакивают из одних нор и шарахаются в другие. Пыль взлетает, как от маленьких взрывов. А где-то под землёй уже хозяйничает варан, продирается сквозь лабиринты узких ходов, наводя ужас и панику. Достаётся тут и хозяевам и жильцам. Песчанка замешкалась — очень хорошо, удавчик заспался — тоже не плохо! Фаланга, скорпион, песчаный таракан — вполне съедобно, молодая агама, геккон — лучшего и не надо!

Но сегодня варану не повезло. Все тупики облазил, а нашёл только компанию бабочек, спрятавшихся от жары. Бабочки так бабочки, хотя, конечно, пища это легковесная, суховатая, да и в горле от неё першит...

Высунул голову из норы, облизался, зевнул во всю зубастую щучью пасть и не спеша, вразвалку пошагал дальше. Потянулся вараний след через барханы к новому городку.



СМЕРТЬ ЧЕРЕПАХИ

Черепаха сквозь сон почувствовала сладостное тепло, очнулась и, тупо двигая онемевшими после зимней спячки ногами, выползла из норы. Выползла и долго лежала у входа, медленно моргая то одним, то другим глазом. Двадцатую весну встречает она в пустыне, но никак не может привыкнуть к ослепительному свету весеннего солнца.

Панцирь черепахи весь в ссадинах, трещинах и царапинах. Вряд ли она помнила все невзгоды своей долгой жизни. Может быть, вот эта царапина от зубов корсака. А вот эта трещина, скорее всего, от удара о камень. Как-то орёл подхватил её, поднял высоко в воздух, но не сумел удержать, уронил. Она грохнулась прямо на камни, и надёжный панцирь её треснул. А сколько ещё на нём разных отметин!

Черепаха дремала на солнце, странно моргая то правым, то левым глазом. Тело уже запросило еды: вот уже 200 дней, как черепаха ничего не пила и не ела.

Со всей быстротой, на какую только была способна, черепаха тронулась в путь. Черепашья скорость — 12 метров в минуту. Это не так-то и мало. Через полчаса она была уже далеко от своей норы. Черепаха знала — не напрасно прожила двадцать вёсен! — что первую траву надо искать в низине. Но перед низиной тянулась глинистая гряда. Вот удивились бы те, кто привык считать черепах безнадёжно неуклюжими существами! Черепаха ловко и смело — не напрасно панцирь её весь был в рубцах! — карабкалась по круче, цепляясь лапами за выступы и углубления.

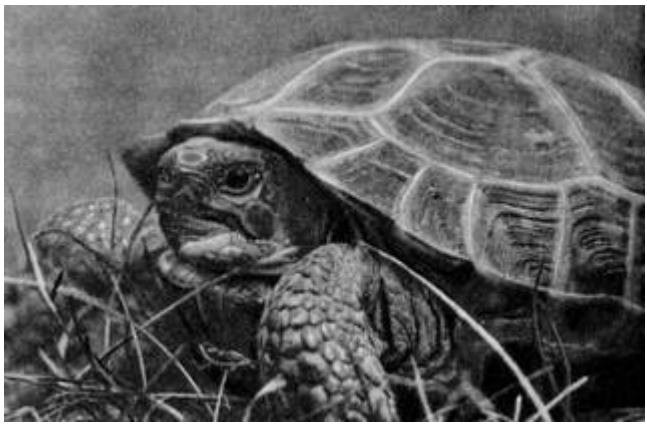
За кручей был крутой спуск; черепаха съехала по нему на своём костяном животе, втянув от страха под панцирь лапы и голову. Видели вы брюшные щитки черепах? Они отшлифованы, отлакированы, начищены до блеска песком и камнями. Как подошвы походных ботинок самых что ни на есть заядлых путешественников.

Теперь осталось переползти такыр: за ним и трава — зелёная, сочная, солоноватая, вкусная.

На такыре скопилось немного воды. Вода разжижила глину, превратив её в серый кисель. Черепаха не стала его обползать: трава виднелась так близко! Она смело скользнула в кисель, но вдруг почувствовала, что прилипла. Черепаха задёргалась и заворочалась, выдираясь из вязкой жижи. Но силы после зимовки были слабы. Жижа облепила панцирь, а лапам не во что было упереться.

Долго ворочалась в грязи черепаха. Лапы слабели, а жижа

становилась всё гуще и вязче. Солнце, то самое солнце, которое только что вернуло её к жизни, теперь её убивало. Оно накаляло панцирь, оно превращало жижу в твёрдый, как камень, асфальт. Ещё заживо оно вмуровало, вцементировало черепаху в глину такыра и, задержав, убило. Вязкая смерть не оставила на панцире ни ссадинки, ни царапинки. Черепаха темнела на светлом такыре, как муха на листе липкой бумаги. А совсем рядом, до обидного рядом, был твёрдый берег и зеленели травинки, сочные, вкусные и солёные.



ПЕСОЧНОЕ ОДЕЯЛЬЦЕ

Летом круглоголовка под песочным одеяльцем спит. Вы под ватным, пуховым или суконным, а она — под песочным. Как только зайдёт солнце и потянет прохладой — круглоголовка ложится животом на песок и начинает дрожать. Дрожит, трясётся и... тонет в песке! Вот уже тельце утонуло и **ХВОСТ,** и тотчас начинает трястись-вибрировать голова и тоже тонет в песке. Только что вот тут ящерица была, а сейчас голый песок, ровное песчаное одеяльце. Вечерний ветерок дунет — последние складочки заровняет. Спит круглоголовка спокойно в тепле до утра.

СЕНОКОС

У песчанок начался сенокос. Старые песчанки далеко отбегают от нор и стригут зубами траву. Настригут, натолкают в рот целый пучок-снопик — и тащат его к норе.

Тут и там в зелёной осочке мелькают светлые зверьки. Кто стоит столбиком, кто скачет к норе. В зубах пучки, снопики, букеты. Одна притащила пышный букет красных маков. У другой в зубах букет жёлтых ромашек.

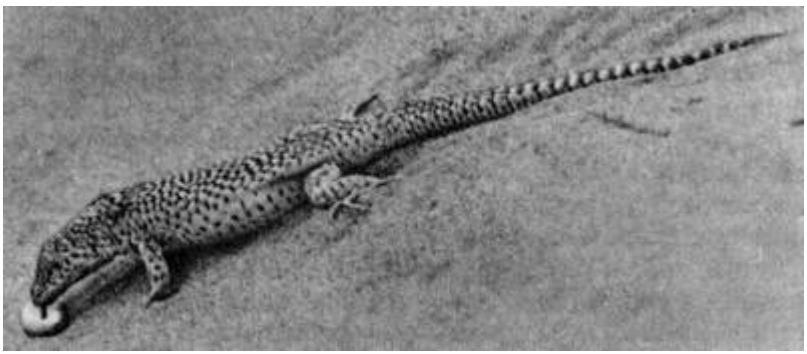
Пучки, снопики и букеты раскладывают у нор на горячий песок — сушиться. Но из нор тут же высовываются маленькие песчаночки, садятся поудобнее на задние лапки и передними начинают быстро-быстро заталкивать в рот зелёные травинки. А самые шустрые даже встречают стариков с пучками и объедают травинки прямо у тех изо рта.

Сенокос в полном разгаре. Старые косят и носят. Молодые опробывают. Солнце траву сушит.

ЯЩУРКИН НОС

Красавица сетчатая ящурка — золотая в чёрную крапинку! — всюду суёт свой нос. Носом своим даже сквозь землю чует. Вот ползёт не спеша и всё время тычется в песок носом. Ползёт, тычется и вдруг начинает копать. Зароется по самые плечи и... вытащит из песка полосатую, как зебра, чёрно-белую гусеницу! Тряхнёт её хорошенько, проглотит, оближется — и опять ползёт и вынюхивает. Прямо как охотничья собака!

Ни разу не видел, чтобы она напрасно копала. Вот это нос — сквозь песок чует!



РОЗОВЫЙ МИРАЖ

До самого горизонта розовая равнина: необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах. Конечно же, это мираж!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрели на чудо. Море дышит жаром. Мы цедим воздух сквозь зубы, как кипяток.

Дует раскалённый ветер, но розовую гладь не морщат волны. Блики солнца не вспыхивают в розовой воде. Даже небо не отражается: наоборот, кажется, что розовая гладь отражается в небе. Всё растворилось в розовом сиянии. И только по белым берегам, посвистывая и извиваясь, несутся смерчи-вихри, как белые привидения. Конечно же, это мираж! Всё впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Колышется жаркая розоватая мгла. Кисельное море, молочные берега...

Сказочные птицы проплывают над головой. Они похожи на длинные палки с крыльями посредине. Белые палки с красными крыльями, как будто бы палки летят и горят!

Это летят розовые фламинго: вытянуты вперёд длинные шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посредине красные крылья.

Кто бы мог думать, что яркий розовый цвет их перьев может быть и защитным! Везде на чужбине — на фоне зелёных тростников, на фоне синего неба — фламинго заметны издали. И только тут, на их родине, становится понятным их розовый цвет.

С тихим гоготом пролетают розовые птицы над головой и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их несутся со всех сторон, но розовых птиц уже не видно над розовым морем.

Я шагаю с берега в воду, но нога упирается во что-то твёрдое и хрустящее. Сапог продавливает розовую корочку, как наст, как тонкий ледок.

А из проломов на розовую чистую гладь выплёскивается чёрная жижа...

Нет, впереди не мираж.

Впереди равнина, покрытая розовой коркой соли.

Видно, совсем недавно тут было солёное озеро. Оно и сейчас ещё сохранилось где-то за горизонтом: туда и летят на гнездовье фламинго. Но мелководье иссушила жара, корка соли покрыла дно. Под коркой чёрный вонючий ил.

Я ломаю нежную корку, а чёрная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут всё глубже и глубже. Хлюпь засасывает, разевая чёрный рот с солёными розовыми губами.

Обманчив этот розовый свет. Чёрная трясина подстерегает неосторожного путника.

Я снова на берегу, засыпанном белой солью. Розовая равнина расплывается в розовой мгле. От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы солёные и сухие. Гогот розовых птиц-невидимок несётся со всех сторон. С шипеньем, вытянув длинные белые шеи, ползают смерчи-вихри. И соляная позёмка струится у ног.

КРАСНЫЙ КАНЬОН

Щебнистая пустыня вокруг, похожая на гигантский, позеленевший от времени медный щит. Медь — это щебень, побуревший от солнца. Зелень на меди — жидкая щетинка сизой полыни. А тёмные пятна, похожие на озера, — это тени от облаков. На краю пустыни горы — как старые медные купола, с позеленевшими от полынки боками. Между пустыней и горами треснула и разверзлась земля, открыв взору глубокий красный каньон. Смотришь вниз — кружится голова. Глубоко-глубоко, по самому дну, плавные извивы ручья. В нём давно уже нет воды; сухое дно, как дорога, засыпано гравием и песком.

Идём по сухому дну, и щебень скрипит под ногами. По сторонам — красные стены. А над ними — высоко, высоко! — узкая лента неба. Неба, раскалённого добела.

Ущелье до краёв налито зноем. От красных стен пышет жаром. То тут, то там что-то сыплется и шуршит. Это лопаются от солнца камни и трескаются глыбы глины. И тишина от этих шорохов какая-то пугливая и неспокойная. Всё время кажется, что кто-то крадётся или ползёт...

Никак не отделаться от ощущения, что ты не просто в каньоне, сотворённом природой, а в покинутом городе древних. Вот крепостная стена: видны ниши-бойницы. Вот просто стены домов: окна, двери, ступени. Замки с готическими пирамидками, башенками, шпилями. Защитные рвы и валы.

Вода и ветер творят тут нерукотворно... Слепая природа создаёт красоту... для глаз.

Невидимый кто-то следит за тобой. Упрямо уставился в спину. Кто-то выглядывает из бойниц и окошек. Кто-то прячется за выступами и в развалинах, а может, это блики солнца играют? Кто-то шепчется в нишах и гротах — или это ветер шумит? И не хочется говорить громко и всё время хочется обернуться...

В тени кустика притаилась стрела-змея. Она дразнится язычком и ласково покачивает изящной головкой с большими и круглыми глазами птицы. Страшные истории рассказывают про эту змею. Будто прыгает она и пронзает человека насквозь. Змея и впрямь на стрелу похожа: тонка и стройна, движения её стремительны и грациозны. Но опасна она только для маленьких ящериц.

Сухо трещат цикады; жара от этого кажется ещё страшней. Разморённый заяц вразвалку проковылял в тень.

Вечером над каньоном засвистывал ветер. Косматые тучи, сверкая и громыхая, выползли из-за горы. Видно было, как

жаждет земля воды: остыть, пропитаться, омыться!

Хлынул дождик и... куда-то исчез! Не долетев до земли, он испарился в горячем ветре! Это был «сухой дождь», который бывает только в пустыне.

Зато какая радуга опустилась в каньон! Какие вдруг осветила она в нём купола, пагоды, колокольни и минареты! Как зловеще зачернели провалы, пещеры и гроты! Какие выступили колонны, резные фигуры и силуэты! Багровые занавеси из камня повисли между колонн.

Но туча надвинулась на горизонт, потухло солнце и радуга, и сказочный город утонул в темноте.

БАБОЧКИНА ДОРОЖКА

Сквозь мокрые от росы травяные джунгли тянется сухая каменная дорожка. Кусты и трава набухли водой: куст за день — как из ведра обольёт, в траву шагни — и до пояса мокрый. А дорожку солнце уже подсушило: идёшь — только камешки под ногами позвякивают.

Ночью ползали по дорожке огромные чёрные слизни, всю дорожку разрисовали блестящими слюдяными полосками. Сейчас слизни уползли в тёмные мокрые заросли. А оттуда, к теплу, солнцу и сухости, прилетели пёстрые бабочки. Разноцветные камешки, разноцветные бабочки. Белые, жёлтые, голубые. Бурые, красные, рыжие. В полоску, с пятнами, в крапинку. Большущие, как листья клёна, и крохотные, как незабудки.

Я иду, а они взлетают, порхают над головой и сейчас же опускаются сзади. Живая пёстрая лента взлетает волной и, перемахнув через голову, обрушивается на камни.

И кажется, будто брызги летят, — это крохотные голубянки взлетают вверх.

Обратно я иду в полдень. Мокрые джунгли уже просохли. Везде раскрылись цветы. И бабочки разлетелись.

ЗАЯЧИЙ СОН

Под кустом тамариска, в холодке и тени, — заяц. Ушки на спине, пухлый подбородочек на лапках. Спит.

Будь я зайцем, я бы не смог так спокойно дремать. Тут и лиса, и орёл, и волк!

Заяц дремлет, притенив ореховые глаза свои очень длинными, чуть изогнутыми ресницами.

От меня до зайца — ногой достать. Он проспал мой подход. Я разглядываю спящего зверька. На боках войлок — ещё линяет. На ухе налился клещ. Лапы и хвост мокрые и в грязи.

Вдруг усы у зайца зашевелились, носик смешно зашмыгал, изогнутые ресницы медленно приподнялись.

Я замер. Но заяц почуял недоброе. Ушки взлетели торчком, лапки задние напряглись, как два взведённых курка. А глаза полезли на лоб!

Прекрасные, ореховые, с искоркой золотой заячьи глаза вздулись, как детские резиновые пузыри! Заяц стал похож на сову. Глаза налились тёмным страхом, они прямо разбухли от ужаса: вот-вот как две набрякшие слезы перельются через край и капнут в траву!

Я не дышал. Я не моргал. Так я перепугался за зайца.

А заяц вдруг успокоился. Расслабился, успокоился и опустился на землю. Поёрзал, угнездился и задремал. И посветлевшие глаза его снова осенили ресницы. Так и казалось, что он сейчас скажет: «Уф, и примерещится же такое!»

Меня, неподвижного, он просто принял за пень.

Шаг за шагом я стал отходить от уснувшего зайца. Пятился, пятился — и ушёл. То-то он удивится, когда проснётся снова!

РЕПЕЙ-ДУШЕГУБ

Мирный репей, добродушный лопух сразу звереет, как только дело доходит до его детишек-семян. Тогда он никого не боится: вцепляется в бока и хвосты самых свирепых собак, а в лесу даже закатывается в шерсть медведей и волков. И только тогда успокаивается, когда всех детишек своих на кого-нибудь прицепит.

Звери потом их из шерсти зубами выгрызают и когтями вычёсывают. А тем того и надо: упадут на землю и прорастут в новом месте.

Для зверей репей не велика беда: вычесались, и конец. Но он, глупый лопух, и в слабых птичек вцепляется. А это уже беда.

Бьётся, бьётся птичка, дёргается, дёргается да и, обессиленная, повиснет. Цепкие коготки мёртвой хваткой вцепились в рыхлые пёрышки. Хорошо, если мимо человек пройдёт и увидит. Но в горах человек не частый гость...

СИНЯЯ ПТИЦА

Её так и называют — синяя птица. Древняя родина её — Индия. Но теперь она живёт и у нас — в ущельях Тянь-Шаня.

Я долго искал встречи с ней. И вот сегодня у меня радость. Ну разве не радость своими глазами увидеть живое существо, которое никогда раньше не видел?

У самой реки я втиснулся между огромных холодных камней. Тяжёлый водяной гул глушит всё. Я вижу, как падают в реку камни, но всплесков не слышу. Я вижу, как широко разевают клювики горные овсянки и чечевицы, но песен их не слыхать. Я сам кричу для пробы — и не слышу сам себя!

В свирепом грохоте воды и вой ветра, и рёв бури, и громыхание грома.

Но вдруг звук — особый, острый как нож, — легко и шутя разрезал этот грохот и гул! Ни крик, ни рёв, ни вой не смогли бы одолеть грохот реки: свист, похожий на визг, перекрыл всё. В этом неистовом гуле он слышен так же легко, как песня зяблика в тихое утро.

Это она — синяя птица. Она тёмно-синяя, её видно издали. Она поёт, и песню её не заглушить. Она сидит на камне посредине реки. Как два зелёных крыла, вокруг камня вздымаются и трепещут две упругие струи воды. Над ней водяная пыль, и в пыли переливается радуга. А сама она в блёстках жемчуга, как в росе. Поклонилась и веером развернула хвост; хвост вспыхнул синим огнём...

Спина моя затекла, под боком острые камни, по ногам, втиснутым в щель, ползают противные чёрные слизни. Я оглох от грохота и вымок от брызг. Но я не свожу с неё глаз: доведётся ли когда-нибудь ещё встретить синюю птицу...

В УЩЕЛЬЕ ТАЙГАК

Нас в ущелье заманила вода. Она билась среди раскалённых камней, как голубая живая жилка. Мы грохнулись на колени, окунули головы в воду и стали пить, фыркая и захлёбываясь. Смысл крыши понимаешь под открытым небом, удобство матраса — поспав на камнях, а цену воде узнаёшь в пустыне.

Чем глубже в ущелье, тем каменные стены угрюмей и выше. Стены чёрные от загара. Они блестящие и полированные, как литое стекло. Вычернило их солнце, отполировали жёсткие ветры.

Тут и там на чёрных стенах светлые пятна. Это срывались от подземных толчков огромные глыбы. Пятен много: землетрясения здесь не диковина. Глыбы огромные: землетрясения здесь не шуточные.

Между скал стекают лиловые осыпи. Тени тут резки, камни горячи, звуки гулки, как в каменном коридоре.

В мире скал и камней живут каменные и скальные птицы: скальный поползень, каменная куропатка, пёстрый каменный дрозд.

Скальный поползень гнездо своё строит из глины, замешивая глину слюной. Гнездо раз в триста тяжелей птички. И такое крепкое, что и камнем не разобьёшь. Поползень строит свой дом надолго. Сверху полирует слизью от гусениц. Вмазывает в глину для украшения яркие пёрышки и блестящие надкрылья жуков.

Занятная птичка: в скалах живёт, в скалах кормится, в скалах лепит гнездо.

Белые полоски на осыпях — тропинки козлов-теков.

Белые подтёки на скалах — старые гнёзда грифов.

Рыже-седые каменные дрозды яркими пятнышками оживляют мрачные стены. Стройные синие дрозды с песнями перелетают со стены на стену. И звонкие их голоса смягчают молчаливые скалы.

По-деревенски, словно в курятнике, квохчут кеклики — каменные куропатки. И совсем уж по-домашнему чирикают обыкновенные воробьи! Домовой воробей, как робинзон, живёт тут без домов и людей. Но чирикает весело, — видно, неплохо живёт.

А когда-то тут жили и люди.

Везде на скалах рисунки! И там и тут — целая картинная галерея! Больше всего выбито в скалах козлов: рогатых, бородатых, важных. А вот бараны-архары с толстыми, круто закрученными рогами. Олени-маралы — значит, и они когда-то тут жили.

Я разглядываю мастерскую древнего живописца. Вот на этом камне он сидел у стены. Свет падал отсюда, как и теперь, тысячи лет спустя. Тишина окружала его. И тысячи лет назад она была такой же, как и сейчас. Солнце пекло. Лениво жужжали мухи. Вон из того ручья он пил, черпая воду ладонями. И капли воды стряхивал с бороды. А на этой скале выскабливал эти рисунки...

Его сородичи отдыхали после тяжёлой охоты. Блаженно лежали в тени, сонно отмахиваясь от мух. Просыпаясь, подсмеивались над чудаком, упорно ковыряющим стену.

А художник скоблил и скоблил. Взбудораженный, переполненный виденным, узнанным, понятым. Первый историк и живописец древних жителей гор. Счастливый уже одним тем, что никто ему не мешает.

Я вглядываюсь в рисунки на скалах: они напоминают что-то очень знакомое. Ну да, конечно: похоже рисуют дети углем и мелом на стенах, заборах, панелях! По правилу: «Точка, точка, два крючочка, ручки, ножки, огуречик — вот и вышел человечек!»

Сегодня по этим рисункам мы узнаём жизнь наших предков. Каким оружием они сражались, на каких инструментах музыкальных играли. Как охотились, как танцевали. Каких зверей приручили, а каких упорно преследовали. Встречаются на древних скалах рисунки непонятных зверей и чудовищ. Сейчас ребята рисуют таких «для страха», а раньше, наверное, сами художники боялись чего-то страшного и непонятного. Вряд ли даже в те далёкие времена жили такие странные звери.

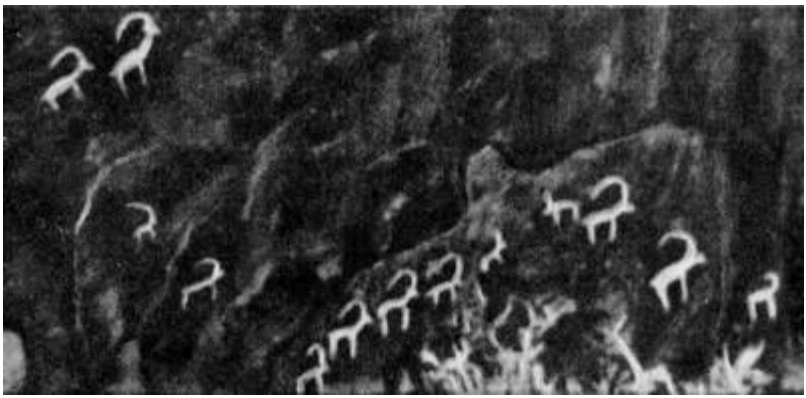
Есть рисунки смешные. Баран с длинным хвостом, верблюд с гусиной шеей, козёл с верблюжьим горбом. Древние охотники, прекрасно знавшие звериную стать, наверное, со смеху покатывались, глядя на этих уродцев. Так же, как теперь смеются ребята над стишками-перевёртышами: «Курочки закрякали, утки закудахтали, кошечки захрюкали, свинки замяукали».

Я перехожу от камня к камню, от скалы к скале — как от стенда к стенду. Время многое уже стёрло. Многое потускнело. Жёсткие ветры затёрли грани. Я с уважением глажу шероховатые камни. Я с завистью думаю о художнике, рисунки которого пережили века. Спим мы в крохотной палаточке, поставленной между камнями. Ветер надувает её, как воздушный шарик. Камни давят под рёбра.

Тихо плещет ручей, скребутся о палатку кусты, пустынный козодой трещит уныло. С мелодичным звоном катятся плитки щебёнки: кто-то и ночью ходит по скалам.

Утром мы покидаем Тайгак.

Со всех сторон смотрят нам в спину дикие козлы-теки: мёртвые, выбитые на камне, и живые, застывшие, как каменные изваяния...



***

Опять мы с Лесовичком под ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ. Не успел поздороваться, как он прыгнул мне на плечо да как крикнет прямо в ухо:

— Страшно подумать!

— Что страшно подумать? — удивился я.

— Страшно подумать, что было бы, если бы в руках у тебя было не фоторужьё, а просто ружьё!

Мы смотрим друг другу в глаза и согласно киваем головами: да, да, да!

— Помнишь того косача, что отплясывал «косачка» на кочке?

— Помню, как же не помнить.

— Привет тебе передавал. Жив-здоров. А медведицу с тремя медвежатами не забыл?

— И медведицу не забыл.

— А помнишь...

И пошло-поехало! А того помнишь, а этого не забыл?

— Всех и всё помню! — отвечал я. — Все они у меня кто в альбоме, кто в пакетике, кто в сердце. Иные даже в книжку попали.

— И в книжку! Скажи пожалуйста...

— Косач-танцор первым попал.

— Да ну-у! А он и не знает. Вот обрадуется!

— Многие в книжку попали.

— Скажи пожалуйста... Живут и не знают, что на рассказ тебя надоумили, что столько людей на них смотрит. Скажи пожалуйста!

И пошло-поехало: «скажи пожалуйста», «ишь ты, эвон как повернулось», «кто бы подумать мог»!

Потом помолчали, друг на друга полюбовались.

— Страшно подумать! — опять сказал Лесовичок.

— Что и говорить, — согласился я.

— Так ты приходи ещё к нам. Не забывай.

— Что ты, — испугался я. — Разве я смогу вас забыть!

— Я ждать буду... — тихо сказал Лесовичок. И голос его чуточку дрогнул.

— Приду, приду! — помахал я рукой.

И уж издали донеслось:

— А меня не вставляй в книжку — всё равно никто не поверит!

— Думаешь, не поверят? — крикнул я.

— Не поверят, не поверят, скажут, напридумывал всё!

И мы расстались.

***

Где ты сейчас, Лесовичок? А может, тебя и не было? Может, и впрямь я всё напридумывал? Может, в долгие скучные часы ожидания я не с тобой разговаривал, а сам с собой? Может, не ты мне на ухо шептал, а листья и травы?

Но я всё равно по тебе скучаю. Вот схвачу свою ШАПКУ в охапку — да в лес. До встречи, Лесовичок!